

Бельканто

Автор:

Энн Пэтчетт

Бельканто

Энн Пэтчетт

В одной из стран Южной Америки, в особняке вице-президента, проходит пышный прием в честь дня рождения влиятельного японского бизнесмена господина Хосокавы. Высокопоставленные гости со всего мира заворожено слушают специально приглашенную звезду – легендарную оперную певицу Роксану Косс. Внезапно в зале гаснет свет. В дом врываются вооруженные террористы и захватывают в заложники и певицу, и ее слушателей.

История, которая начинается с всеобщего ужаса перед лицом кажущейся неминуемой гибели, постепенно переходит в нечто совсем другое. В историю о красоте и искусстве. В историю о том, как между говорящими на разных языках незнакомыми людьми и даже между бандитами и их пленниками зарождаются взаимопонимание, дружба и... любовь. Ни террористы, ни заложники больше не хотят думать о смертельной опасности. Но она грозит и тем и другим.

Впервые на русском языке книга вышла в 2003 году под названием «Заложники».

Энн Пэтчетт

Бельканто

Карлу Ван Девендеру

Fonti e colline chiesi agli Dei;

m'udiro alfine,

pago io vivro,

ne mai quel fonte co 'desir miei,

ne mai quel monte trapassero

Молил я богов о холмах и водах,

И вот они вняли

Моим молитвам.

Мир в моем сердце. Теперь никогда я

Гору сию и родник не покину.

Винченцо Беллини.

Меланхолия, нежная нимфа

Sprecher: Ihr Fremdlinge! was sucht oder fordert ihn von uns?

Tamino: Freundschaft und Liebe.

Sprecher: Bist du bereit, es mit deinem Leben zur erk?mpfen?

Tamino: Ja.

Оратор. Чужестранец, чего ты ищешь?

Тамино. Дружбы и любви.

Оратор. Готов ли ты? Это может стоить тебе жизни.

Тамино. Я готов.

Вольфганг Амадей Моцарт.

Волшебная флейта

Глава первая

Когда свет погас, аккомпаниатор ее поцеловал. Может быть, он успел подняться за секунду до того, как стало темно, а может, только начал подниматься. Но какое-то движение он сделал, потому что все, находившиеся в гостиной, запомнили, что он ее поцеловал. То есть самого поцелуя они, конечно, не видели, потому что темнота наступила крошечная, но могли поклясться, что поцелуй был, и даже точно его описывали: глубокий, страстный, захвативший ее врасплох. В тот момент, когда лампы погасли, все смотрели именно на нее. Вскочив на ноги, все продолжали аплодировать, не жалея ладоней. Ни один человек в гостиной не испытывал ни малейшей усталости. Итальянцы и французы кричали: «Браво! Браво!» Японцы выражали свое восхищение молча. Интересно, а если бы свет не погас, он бы точно так же ее поцеловал? Неужели он был так ею переполнен, что бросился к ней в тот самый миг, как наступила темнота? Неужели решился на это мгновенно? А может быть, все эти мужчины и женщины в комнате сами хотели того же самого и потому стали жертвой коллективной галлюцинации? Они настолько были захвачены красотой ее голоса, что все вместе жаждали припасть к ее губам, испить их. А может, и правда музыку можно присвоить, уловить, поглотить? Что бы это значило: поцеловать губы, которые издают такие звуки?

Некоторые из них обожали ее долгие годы. Они собрали все ее диски. Они завели себе специальные блокноты, где записывали все сцены, на которых ее видели, все музыкальные произведения, которые она исполняла, все составы исполнителей и имена дирижеров, с которыми она выступала. Конечно, в эту ночь здесь присутствовали и такие, кто раньше вообще не слышал ее имени. Кто считал оперу бессмысленным набором кошачьих воплей и с большим удовольствием провел бы три часа в кресле дантиста. Но теперь некоторые из них плакали открыто, не стесняясь, и сами не понимали, как они могли так

ошибаться.

Никто из зрителей не испугался темноты. Они ее едва заметили. Они продолжали хлопать. Приехавшие из других стран подозревали, что здесь подобные вещи случаются постоянно – свет то погаснет, то включится. Местные жители к такому уже привыкли. Кроме того, электричество пропало на редкость эффектно и вовремя, как будто напоминая: «Здесь главное – не смотреть. Здесь главное – слушать». И никто не задумался, отчего свечи на столах тоже погасли, почти в тот же миг, что и лампочки. Воздух наполнился приятным ароматом потушенных фитилей, сладковатым и умиротворяющим. Ароматом, который говорил о том, что уже поздно и пора спать.

Они продолжали аплодировать. Они воображали, что поцелуй длится в темноте.

Роксана Косс, лирическое сопрано, была единственной причиной, по которой господин Хосокава приехал в эту страну. Господин Хосокава был единственной причиной, по которой все остальные явились на этот прием. Вообще-то это было не то место, куда являются охотно. Причина, почему эта страна (кстати, весьма бедная) решила пойти на столь бессмысленные издержки и устроить прием в честь дня рождения иностранца, которого к тому же пришлось долго уговаривать и задабривать, заключалась в том, что этот иностранец был основателем и главой корпорации «Нансей», крупнейшей электронной корпорации в Японии. Сокровеннейшее желание принимающей стороны заключалось в том, что господин Хосокава обратит на них милостивое внимание, окажет столь необходимую им помощь: к примеру, в образовании или налаживании торговли. Или в строительстве завода (мечта столь заветная, что о ней даже боялись говорить вслух), причем дешевый труд принесет прибыль всем участникам сделки. Развитие индустрии столкнет экономику страны с мертвой точки, то есть с выращивания листьев коки и опийного мака, создаст иллюзию, будто страна стремится завязать с производством кокаина и героина, да и сама готовность принять иностранную помощь сделает наркотрафик не столь заметным. В прошлом подобные замыслы никогда не выходили за рамки прожектов, потому что японцы по природе своей перестраховщики. Они верили в существование опасностей или в слухи об опасностях в странах, подобных этой, и только приезд господина Хосокавы – разумеется, не в качестве исполнительного директора корпорации и не в качестве политика – внушал надежду на то, что протянутая за помощью рука не будет отвергнута. Что ей что-то перепадет из бездонного кармана приезжего японца. Да, возможно, карман раскроется не сразу, придется его улещивать и упрашивать. Но этот

визит, отмеченный торжественным праздничным обедом, украшенный присутствием оперной звезды, заполненный многочисленными запланированными встречами и осмотром возможной стройплощадки будущего завода, неожиданно сделал эти мечты реальными, как никогда, и атмосфера в зале была исполнена сладких надежд. Не ведая об истинных намерениях господина Хосокавы, на приеме присутствовали представители более десятка стран. Все эти инвесторы и послы, которые сами наверняка не посоветовали бы своим правительствам вложить в эту страну даже цент, но охотно поддерживали подобные попытки со стороны корпорации «Нансей», сегодня передвигались по залу в черных смокингах и вечерних платьях, угощались тостами и смеялись.

Что же до самого господина Хосокавы, то целью его приезда не были ни бизнес, ни дипломатия, ни укрепление дружбы с президентом, как об этом позже напишут в газетах. Господин Хосокава не любил путешествовать и не был знаком с президентом. Свои намерения – или, вернее, отсутствие таковых – он выразил вполне ясно. Он совершенно не собирался строить здесь завод. Он бы никогда не согласился на путешествие в чужую страну, чтобы праздновать там свой день рождения в присутствии чужих людей. Он никогда особо не любил его праздновать даже с теми, кого знал, а пятьдесят три года и вовсе считал цифрой, не заслуживающей никакого внимания. Он успел отклонить с полдюжины настойчивых приглашений этих самых людей на этот самый прием, когда они вдруг пообещали ему присутствие Роксаны Косс.

Как же можно отказаться от такого подарка? Неважно, что это далеко, некстати и может быть превратно понято. Кому под силу ответить на подобное предложение: «Нет»?

Но прежде вспомним другой день рождения, одиннадцатый, тот самый, когда Кацуми Хосокава впервые в своей жизни услышал оперу. «Риголетто» Верди. Вместе с отцом они поездом добрались до Токио и под проливным дождем отправились в театр. Стоял конец октября, 22-е число, так что ливень был холодным, и красные опавшие листья устилали улицы тонким мокрым ковром. Когда отец с сыном наконец явились в токийский Метрополитен Фестиваль-холл, рубашки у них были сырыми – не помогли ни плащи, ни свитеры. Отсырели и потеряли свой цвет даже билеты в отцовском бумажнике. Места были не самые лучшие, но хотя бы ничего не мешало видеть сцену. В 1954 году деньги доставались нелегко, поездка на поезде и поход в оперу были невообразимой

роскошью. В другую эпоху «Риголетто» можно было бы считать слишком сложным произведением для ребенка, но тогда, всего через несколько лет после войны, дети гораздо лучше разбирались в проблемах взрослых и, как правило, прекрасно понимали то, что недоступно детям сегодняшним. В тот вечер отец с сыном долго поднимались по лестнице к своему ряду, стараясь не глядеть вниз, в разверзшуюся под ними головокружительную пустоту. Они кланялись и просили прощения у всех, кто вставал, чтобы дать им пройти, и наконец откинули сиденья и опустили на свои места. Они пришли очень рано, но другие явились еще раньше, потому что роскошь спокойно посидеть в таком прекрасном месте была включена в цену билета. Отец с сыном в молчании ждали начала спектакля, и вот свет погас и откуда-то снизу зазвучала музыка. Из-за занавеса вышли крошечные человечки, настоящие букашки, и начали открывать рты. И вместе с их голосами все пространство вокруг наполнилось тоской, страданием и беспредельной, безрассудной и отважной любовью, которая каждого из них поочередно привела к краху.

Именно во время этого спектакля опера навеки запечатлелась в сознании Кацуми Хосокавы. Она стала посланием, записанным на внутренней стороне его век, посланием, которое мальчик читал во сне. Через много лет, когда бизнес завладел всей его жизнью без остатка, когда он, кажется, работал больше всех в стране, где усердный труд считается высшей добродетелью, он все еще верил, что жизнь, подлинная жизнь, находит выражение именно в музыке. Подлинная жизнь таится в нотных строчках «Евгения Онегина», пока ты выполняешь свой каждодневный долг перед этим миром. Разумеется, он осознавал (хотя и не совсем ясно), что оперное искусство – не для всех, но какая-то часть его, он надеялся, была для всех. Не жена, не дочери, не работа – те записи, что он бережно хранил у себя дома, те редкие спектакли, что ему удавалось посмотреть на сцене, служили ему мерой, которой он проверял собственную способность любить. Он никогда не думал, что отдает опере часть себя, которую следовало бы посвятить жизни. Напротив, он считал, что без оперы эта его часть исчезнет без следа. В начале второго акта, когда Риголетто и Джильда запели вместе и их голоса слились в победное гармоническое единство, Кацуми Хосокава схватил руку отца. Он понятия не имел о том, что персонажи говорили друг другу в тот момент, он не знал даже, что они играют отца и дочь. Он знал только одно: ему необходимо за что-то ухватиться. Впечатление от пения было столь сильным, что мальчику показалось, будто он падает вниз со своего парящего над пустотой сиденья.

Такая любовь требует верности, а господин Хосокава был верным человеком. Он никогда не забывал о значении Верди в своей жизни. Со временем, как у всех

поклонников оперы, у него появились любимые исполнители. Он собрал коллекции записей Шварцкопф и Сазерленд. Но более всего он почитал гений Каллас. Свободного времени у него в жизни было очень мало, а уж тем более времени на такое серьезное хобби. Он взял себе за правило, отобедав с клиентом или закончив работу с документами, минут тридцать слушать музыку, а перед сном читать оперные либретто. До ужаса редко, может быть, пять воскресений в год, он освобождал себе несколько часов, чтобы прослушать какую-нибудь оперу от начала до конца. Однажды, когда ему было далеко за сорок, он поел несвежих устриц и три дня пролежал дома с тяжелым отравлением. Он вспоминал это время как счастливые каникулы, потому что именно тогда он непрерывно слушал «Альцину» Генделя – даже во время сна.

Первую запись Роксаны Косс ему подарила на день рождения старшая дочь, Кийоми. Помня, как невыносимо трудно подбирать подарки отцу и увидев в музыкальном магазине диск незнакомой певицы, она решила попытаться счастья. Однако больше всего ее привлекло даже не имя, а лицо женщины на обложке. Обычно Кийоми раздражали фотографии певиц сопрано. Они вечно прятались за вуалями и раскрытыми веерами. Роксана Косс глядела прямо на зрителя, ее глаза были широко распахнуты, подбородок приподнят. Кийоми потянулась к ней даже раньше, чем прочла название оперы: «Лючия ди Ламмермур». Сколько уже записей «Лючии ди Ламмермур» имелось у ее отца? Неважно. Кийоми не колеблясь отдала деньги продавцу.

В тот вечер, вставив диск в плеер, господин Хосокава уже не возвращался к работе. Он снова превратился в мальчишку, руку которого в токийском Метрополитен Фестиваль-холле сжимает большая и теплая рука отца. Он ставил диск снова и снова, нетерпеливо перескакивая места, где ее голос не звучал. Такой возвышенный, парящий и теплый голос, совершенно бесстрашный. Как могло случиться, чтобы голос был одновременно таким сдержанным и безрассудным? Он позвал Кийоми. Она пришла и остановилась в дверях его кабинета, собираясь произнести «Да?» или «Что, папа?» – но тут сама услышала голос. Голос женщины, которая смотрит с фотографии вам прямо в глаза. Отец не сказал ни слова, он просто указал ей рукой на плеер. Кийоми почувствовала невообразимую гордость оттого, что совершила столь правильный поступок. Музыка словно звучала ей похвалой. Господин Хосокава закрыл глаза. Он грезил.

С тех пор прошло пять лет, и он видел Роксану Косс в восемнадцати оперных спектаклях. В первый раз это произошло по удачному стечению обстоятельств, потом он нарочно подстраивал свои дела так, чтобы в нужное время

оказываться в тех городах, где она выступала. «Сомнамбулу» он слушал три вечера подряд. Он никогда не искал с ней встреч, не старался выделиться из общей массы зрителей. Он не считал, что восхищается ее дарованием сильнее прочих, – скорее верил, что только дураки не испытывают от ее пения тех же чувств, что и он. Разве может человек удостоиться большей чести, чем сидеть и слушать пение Роксаны Косс?

Отыщите в каком-нибудь бизнес-журнале статью о Кацуми Хосокаве и взгляните в нее повнимательнее. Господин Хосокава не демонстрирует собеседнику своих чувств, потому что чувства – это частное дело человека, закрытое от чужих глаз. Но он неизменно упоминает оперу, и упоминания эти придают ему человечности. Другие VIP-персоны обычно предстают на фотографиях со спиннингами в руках на каких-нибудь горных шотландских реках или за штурвалами собственных спортивных самолетов на пути в Хельсинки. Господина Хосокаву фотографировали в домашней обстановке – он сидит в кожаном кресле, в котором обычно слушает музыку, и за его спиной виднеется новейшая стереосистема фирмы «Нансей». Журналисты не могли не спросить: «Кто ваш любимый исполнитель?» И господин Хосокава не мог не ответить.

За цену, которая значительно превышала все прочие расходы на прием (еда, сервис, транспорт, цветы, охрана), Роксану Косс убедили принять приглашение, это было как раз между окончанием сезона в «Ла Скала» и началом гастролей в аргентинском «Колоне». Было условлено, что на обед она не придет (перед выступлением она никогда не ест), но прибудет к концу трапезы и исполнит шесть арий со своим аккомпаниатором. Господин Хосокава был уведомлен письмом, что в случае его согласия посетить прием он сможет заблаговременно выслать свои предложения по репертуару, и, хотя никаких обещаний мисс Косс не давала, эту заявку ей все-таки передадут на рассмотрение. Когда свет погас, она исполняла арию из «Русалки» – ту самую, что предложил господин Хосокава. На этом ее программа заканчивалась, однако, если бы свет не погас, кто мог бы поручиться, что она откажется спеть на бис?

Господин Хосокава выбрал «Русалку» в знак глубокого уважения к госпоже Косс. Исполнение этой арии, жемчужины ее репертуара, не потребовало от певицы никаких особых приготовлений – она и так наверняка включила бы ее в программу, даже если бы господин Хосокава не попросил. Он не стал хвастаться своей эрудицией и включать в заявку совсем малоизвестные партии вроде арии из «Партенопы». Он лишь хотел побыть рядом с ней, в одной комнате, и

послушать, как она поет «Русалку». «Если чья-нибудь человеческая душа томится обо мне во сне, то пусть она вспомнит обо мне при пробуждении!» Ему перевели эту фразу с чешского много лет назад.

Электричество не включалось. Овации потихоньку пошли на спад. Все, напрягая зрение, шурились, пытались разглядеть примадонну в темноте. Прошла минута, другая, но общество оставалось в беззаботном спокойствии. Потом Симон Тибо, французский посол, которому перед приездом в эту страну обещали гораздо более перспективный пост в Испании (но подло передали его другому лицу в качестве награды за какие-то важные политические услуги в тот самый момент, когда Тибо и его семья упаковывали чемоданы), заметил свет в щели под кухонной дверью. Он был первым, кто начал кое-что понимать. Его словно пробудили от глубокого сна, в который он погрузился под воздействием ликера, обильной еды и Дворжака. Он подхватил под руку жену и, хотя она все еще продолжала аплодировать, потащил ее сквозь толпу. Он врзался в невидимые тела. Он прокладывал себе дорогу к стеклянной двери, которая, насколько он помнил, находилась в дальнем конце комнаты и вела в сад. Вертел головой, стараясь разглядеть звезды на небе – для ориентации. Но увидел только узкий, скользящий по стенам и потолку луч карманного фонарика – один, потом другой, – и ощутил, как его сердце падает куда-то вниз. Его охватила тоска – по-другому нельзя было назвать это чувство.

– В чем дело, Симон? – спросила жена шепотом. Невидимая сеть была уже сплетена, раскинута вокруг всего дома, и его первым, вполне естественным побуждением было броситься вперед и попробовать прорваться, но элементарная логика удержала посла от этого опрометчивого поступка. Лучше не привлекать к себе внимания, не создавать прецедента. Где-то посреди комнаты аккомпаниатор целовал оперную диву, и посол Тибо сжал свою жену Эдит в объятиях.

– Я спую вам в темноте, – раздался голос Роксаны Косс. – Если кто-нибудь даст мне свечу.

Тут присутствующие замерли, и овация захлебнулась, так как все вдруг заметили, что свечи тоже не горят. На этом прием и закончился. Охранники уже мирно дремали в лимузинах, как большие, откормленные псы. Мужчины начали шарить по своим карманам, но находили там только аккуратно сложенные носовые платки и денежные купюры. Потом послышался гул голосов, шарканье ног, а потом, как по волшебству, зажегся свет.

* * *

Прием был великолепным, хотя позже об этом, естественно, никто не вспоминал. На ужин подавали белую спаржу в голландском соусе, камбалу с поджаренными до хрустящей корочки сладкими луковками, маленькие отбивные – на три-четыре укуса, не больше – с клюквенным соусом. Обычно так называемые развивающиеся страны, пытаясь произвести впечатление на важных иностранных гостей, пускают в ход русскую икру и французское шампанское. Обязательно русскую и обязательно французское, как будто это единственный способ продемонстрировать свое благополучие. На каждом столе стояли букеты крохотных – не более наперстка – желтых орхидей, что трепетали при малейшем вздохе гостя. Представить невозможно, сколько сил ушло у организаторов на этот вечер, на идеальную расстановку мебели, на роскошные гостевые карты, надписанные каллиграфическим почерком. Картины доставили из национального музея: над каминной доской темноглазая Мадонна кончиками пальцев держала крохотного Иисуса с удивительно мудрым и взрослым лицом. Сад, которым гости, скорее всего, полюбовались бы лишь мимоходом, преодолевая короткое расстояние от машины до парадной двери или случайно выглянув из окна до наступления темноты, был приведен в образцовый порядок: в нем порхали райские птицы, цвели свернутые в тугие трубочки канны, красовались островки овечьего ушка и изумрудного папоротника. Джунгли подходили к городу совсем близко, так что даже в самых ухоженных двориках цветы оживляли беспорядочной красотой подстриженные газоны бермудской травы. В течение нескольких дней с раннего утра до позднего вечера в саду трудились молодые рабочие. Мокрыми тряпками они стирали пыль с кожистых листьев растений и сгребали опавшие цветы бугенвиллий, что гнили у подножья живых изгородей. За три дня до приема они заново побелили высокую оштукатуренную стену, со всех сторон окружавшую дом вице-президента, тщательно проследив за тем, чтобы куски побелки не падали на траву. Продумана была каждая деталь: хрустальные солонки, лимонный мусс, американский виски. Танцев не предусматривалось, оркестра тоже. Музыкальным сопровождением должно было стать выступление Роксаны Косс и ее аккомпаниатора – не то шведа, не то норвежца, светловолосого красавца лет тридцати с длинными тонкими пальцами.

* * *

За два часа до начала приема в честь дня рождения господина Хосокавы президент Масуда, сын японских эмигрантов, прислал письмо, с сожалением извещая устроителей о том, что неотложные дела, отменить которые не в его власти, не позволяют ему присутствовать на вечернем мероприятии.

Позже, когда вечер обернулся несчастьем, по этому поводу начались разные спекуляции. Может быть, президенту просто повезло? Или то была воля Божья? А может, он получил предупреждение? Или все это был тайный сговор? К сожалению, такое здесь случалось довольно часто, можно сказать – сплошь и рядом. Вечер должен был начаться в восемь часов и закончиться за полночь. Любимая мыльная опера президента начиналась в девять. Среди членов президентского кабинета и его советников существовала негласная договоренность, что в государственных делах наступает часовой перерыв с двух часов дня в понедельник, среду, четверг и пятницу и во вторник с девяти вечера. В этом году день рождения господина Хосокавы пришелся на вторник. С этим ничего нельзя было поделать. Почему-то никто не додумался перенести прием на десять вечера или, наоборот, на более ранний срок, чтобы к восьми тридцати мероприятие уже закончилось и у президента осталось время вернуться домой и спокойно включить телевизор. Конечно, передачу можно записать, но президент ненавидел видеозаписи. Хватит и того, что ему приходилось довольствоваться ими в командировках! От своего окружения он требовал только одного: чтобы названные часы у него оставались безусловно свободными. Споры вокруг злосчастного дня рождения господина Хосокавы длились несколько дней. После долгих уговоров президент наконец смягчился и пообещал прийти. Но вот наступил день приема, и он – по всем понятной, хотя и не высказанной вслух причине – решительно и бесповоротно отказался.

Страстная привязанность президента Масуды к сериалам была хорошо известна узкому кругу приближенных лиц, но каким-то непостижимым образом оставалась совершенной тайной для прессы и для народа. На мыльных операх была помешана вся страна, однако беззаветная преданность президента своему телевизору была чревата столь неприятными политическими коллизиями, что даже болтливая любовница была бы меньшим злом. Члены правительства только обрадовались бы, променяй президент мыльные оперы на болтливую любовницу. Даже министры, которые сами были не раз замечены за просмотром тех же самых сериалов, не могли спокойно глядеть на одержимость, угнездившуюся в самом сердце государства. В свете вышесказанного многие работающие с президентом и присутствующие на приеме в честь господина Хосокавы восприняли его отсутствие хотя и с разочарованием, но без особого удивления. И когда другие гости спрашивали: «Случилось что-то непредвиденное?» или

«Здоров ли президент Масуда?» – они отвечали значительно и конфиденциально:

– Дела в Израиле.

– В Израиле! – шептали пораженные гости. Они даже вообразить себе не могли, что президент Масуда может быть задействован в переговорах по делам Израиля.

Таким образом, почти две сотни гостей разделились на тех, кто знал, где находится президент Масуда, и на тех, кто этого не знал, и так продолжалось до тех пор, пока обе стороны напрочь не забыли о существовании президента. Господин Хосокава вообще едва заметил его отсутствие. Он не придавал никакого значения своей предполагаемой встрече с главой государства. Что может значить президент на вечере, где должна выступать Роксана Косс?

В отсутствие президента роль хозяина торжества вынужден был взять на себя вице-президент Рубен Иглесиас. Дело нетрудное – прием устраивался в его доме. Между коктейлем и закуской, между обедом и сладостным пением его мысли неизменно возвращались к президенту. Иглесиас легко представил себе, что тот делает в данный момент, ведь он видел это тысячи раз. Вот президент сидит в темноте на краю кровати в спальне президентского дворца, сложенный пиджак переброшен через ручку кресла, ладони обеих рук сжаты между колен. Он смотрит маленький телевизор, стоящий на туалетном столике, в то время как его жена расположилась этажом ниже перед громадным экраном. Красивая девушка, привязанная к стулу, отражается в его очках. Она дергает запястьями туда-сюда, снова и снова, и вот наконец веревки ослабевают, и она освобождает одну руку. Мария свободна! Президент Масуда облегченно откидывается назад и беззвучно хлопает в ладоши. Подумать только: его едва не заставили пропустить такое зрелище после целой недели ожидания! Девушка на экране быстро оглядывает комнату, затем наклоняется вперед и развязывает стягивающую ее ноги веревку.

Но тут картина освобождения Марии, возникшая перед мысленным взором Рубена Иглесиаса, улетучилась, и он понял, что в его гостиной снова зажегся свет. Он только успел отметить, что на одном из столов перегорела лампочка, как вдруг в комнату из всех окон и дверей повалили какие-то мужчины. Вице-президент вертел головой во все стороны, и ему казалось, что стены сошли со своих мест, стремительно надвигаются на него и пронзительно кричат. Тяжелые

башмаки грохотали в вентиляционных трубах, дверные проемы оцетинились ружейными дулами. Гости сбились в кучу посреди комнаты и тут же бросились врассыпную в животной панике. Дом словно превратился в терпящий бедствие корабль, поднятый на гребень волны, а потом тут же брошенный в кипящую штормовую бездну. Столовое серебро полетело в воздух, зубцы вилок сплелись с лезвиями ножей, вазы с дребезгом разбивались о стены. Люди скользили, падали, бежали, но все это продолжалось лишь одно мгновение – до тех пор, пока их глаза не привыкли к свету и они не увидели полную бесполезность своих усилий.

Теперь стало понятно, кто всем этим руководит: пожилые мужчины, выкрикивающие приказания. Друг с другом они не разговаривали, и первое время гости различали их не по именам, а по наиболее заметным признакам. Бенхамин – на лице красный мясистый лишай. Альфредо – усы, на левой руке нет указательного и среднего пальцев. Эктор – очки в золотой оправе без одной дужки. С командирами прибыло около пятнадцати бойцов в возрасте от четырнадцати до двадцати лет. Таким образом, в зале стало на восемнадцать гостей больше, но пересчитать их в тот момент не смог бы никто. Они быстро рассредоточились по всему дому. Они двигались, двоились и троились, возникали из-за гардин, спускались с лестниц, исчезали на кухне. Сосчитать их было невозможно, потому что, казалось, они были везде – и похожи друг на друга, как пчелы в улье. Одеты они были в поношенную темную одежду: кто в черную, кто в грязно-зеленую, кто в джинсовую. Кроме одежды их прямо-таки покрывало всевозможное оружие: патронташи, ножи, сверкающие из задних карманов, автоматы, пистолеты разных марок и калибров; самые маленькие покачивались в набедренных кобурах или небрежно торчали из-за пояса, самые большие парни сжимали в руках, как детей, размахивали ими, как палками. На головах у бойцов красовались кепки с опущенными на самые глаза козырьками, хотя никто не интересовался их глазами, всеобщее внимание было приковано исключительно к их винтовкам, к их ножам, похожим на акульи зубы. Мужчина с тремя автоматами невольно воспринимался как трое мужчин. Общей у нападавших была и худоба, объяснявшаяся, быть может, недостатком питания, а быть может, периодом юношеского роста. Одежда явно была им тесна в плечах. Кроме того, все они были ужасающе грязными. Даже в этих страшных обстоятельствах невозможно было не заметить, что их лица и руки заляпаны так, словно они пробрались в особняк, вырыв в саду подземный ход и разобрав пол нижнего этажа.

Само вторжение заняло не более минуты, но всем казалось, что оно длится дольше, чем четыре смены блюд во время обеда. Каждый успел разработать стратегию спасения, тщательно ее обдумать и отбросить. Мужья отыскивали своих жен по разным углам комнаты, иностранцы жались друг к другу, в панике тараторя на своих родных языках. Присутствующие единогласно решили, что стали жертвами не «Семьи Мартина Суареса» (названной так по имени десятилетнего мальчика, которого застрелили полицейские, когда он раздавал листовки с приглашениями на политический митинг), а куда более знаменитой террористической группировки – так называемой «Истинной власти», отряда революционно настроенных убийц, которые вот уже лет пять наводили на всех ужас своей беспрецедентной жестокостью. Каждый, слышавший об этой организации или хотя бы знакомый с этой страной, был теперь уверен, что он обречен, хотя на самом деле погибнуть суждено было самим злоумышленникам. И тут террорист без двух пальцев на руке, одетый в мятые зеленые штаны и совершенно не гармонирующую с ними куртку, поднял свой громадный автомат 45-го калибра и двумя очередями выстрелил в потолок. Оттуда отделился внушительный пласт штукатурки и шлепнулся об пол, обдав гостей густым облаком пыли. Женщины завизжали, испуганные как выстрелом, так и тем, что на их голые плечи что-то посыпалось.

– Внимание! – сказал человек с автоматом по-испански. – Это захват. Мы требуем беспрекословного повиновения и внимания.

Примерно две трети гостей испуганно замерли, остальные выглядели не только испуганными, но и озадаченными. Вместо того чтобы отпрянуть от человека с автоматом, они придвинулись к нему ближе. Это были те, кто не понимал испанского. Они принялись перешептываться с соседями. Слово «внимание» повторялось на множестве языков. Это слово было понято всеми.

Командир Альфредо ожидал, что после его обращения немедленно воцарится напряженная, настороженная тишина, но тишины не наступило.

Перешептывание заставило его снова выстрелить в потолок, на этот раз не глядя. Он угодил в световую арматуру, которая взорвалась. Комната погрузилась в полумрак, осколки стекла попали гостям за воротники рубашек и в волосы.

– Захват! – повторил Альфредо. – Задержание! Это могло бы показаться удивительным – такое количество людей, не говорящих на языке принимающей страны, но не стоит забывать, что сборище затевалось для продвижения

интересов иностранного государства, а два главных гостя не знали по-испански и десяти слов, и если Роксана Косс все же прекрасно поняла слово «захват», то для господина Хосокавы оно не значило ровным счетом ничего. Они оба подались вперед, словно это помогло бы им лучше понять своего врага. Примадонну, впрочем, сразу же заслонил собой аккомпаниатор. Его тело готово было принять на себя все пули, которые будут выпущены в ее сторону.

Гэн Ватанабе, молодой переводчик господина Хосокавы, наклонился к уху своего шефа и перевел ему все сказанное террористом на японский язык.

Нельзя сказать, чтобы это могло принести господину Хосокаве какую-либо пользу в данных конкретных обстоятельствах, но некогда он пытался учить итальянский язык с помощью аудиокурсов, которые прослушивал во время авиаперелетов. Для деловых целей следовало бы скорее изучать английский, но ему было важнее научиться понимать оперу. «Il bigliettotaio mi fece il biglietto»[1 - Кассир оформляет мне билет (ит.)], – говорила запись. «Il bigliettotaio mi fece il biglietto», – беззвучно повторял он одними губами, не желая беспокоить соседей. Однако старался он совсем плохо, и к концу ауди-окурса не продвинулся в знании языка ни на йоту. Звук произносимых им слов заставлял господина Хосокаву вспоминать звук слов пропетых, и вместо учебного диска он вставлял в свой CD-плеер «Мадам Баттерфляй».

Еще в юности господин Хосокава осознал всю важность владения иностранными языками. Позже он жалел, что так и не взялся за их изучение. Ох уж эти переводчики! Сколько их прошло перед его глазами, порой неплохих, порой робких, как школьники, а порой и безнадежно тупых. Кое-кто и родным японским владел из рук вон плохо и постоянно прерывал переговоры, чтобы заглянуть в словарь. Попадались переводчики умелые, но по-человечески неприятные – путешествовать с такими было не в радость. Некоторые покидали его, как только произносилась последняя фраза деловой встречи, так что, если требовалось обсудить что-то еще, он оказывался совершенно беспомощным. Другие были, наоборот, слишком навязчивы, сопровождали его на завтрак, обед и ужин, не отходили ни на шаг во время прогулок и пересказывали в мельчайших подробностях все детали своего безрадостного детства. Сам господин Хосокава владел лишь несколькими простейшими обиходными фразами на французском и на английском. Так обстояли дела, когда появился Гэн.

Гэн Ватанабе был приставлен к нему на проходившей в Греции конференции по мировой торговле. Как правило, господин Хосокава старался избегать всяких неожиданностей, столь часто сопутствующих работе местных переводчиков, однако его секретарь не сумел найти в Японии специалиста с греческим языком, который согласился бы немедленно отправиться в путь. Во время перелета в Афины господин Хосокава и словом не перемолвился с сопровождавшими его двумя старшими вице-президентами и тремя менеджерами по продажам. Вместо этого он слушал через наушники, как Мария Каллас поет греческие песни, философски рассудив, что даже если он ничего не сможет понять на конференции, то по крайней мере увидит родину своего кумира. Выстояв очередь у стойки паспортного контроля и получив багаж, господин Хосокава увидел в холле молодого человека, который держал плакат с аккуратно выведенным «Хосокава». Молодой человек оказался японцем, и он вздохнул с облегчением. Лучше иметь дело с соотечественником, который немного говорит по-гречески, чем с греком, немного говорящим по-японски. Для японца переводчик был слишком долговязым. У него были густые волосы, слишком длинные спереди, так что они падали на оправу маленьких круглых очков, даже когда он пытался откинуть их в сторону. К тому же он выглядел очень молодым. Очевидно, все дело было в волосах. Волосы показались господину Хосокаве признаком несерьезности. А может, впечатление несерьезности возникло оттого, что молодой человек встречал его в Афинах, а не в Токио. Господин Хосокава приблизился и совершил легкий приветственный поклон – едва заметное движение шеей и плечами. Поклон означал: «Ты меня нашел».

Молодой человек бросился вперед, согнулся пополам и взял из рук господина Хосокавы его портфель. Его поклон производил благоприятное впечатление, хотя, на взгляд двух вице-президентов и трех менеджеров по продажам, все же был недостаточно глубоким. Переводчик представился, спросил, как прошел перелет, сообщил, сколько времени займет дорога в отель и когда начнется первое заседание. В многолюдном афинском аэропорту, где, почитай, каждый второй мужчина носил усы и оружие, в этом столпотворении, среди гвалта пассажиров и пронзительных объявлений по радио, господин Хосокава услышал в голосе молодого человека нечто важное для себя, нечто знакомое и успокоительное. Этот голос нельзя было назвать музыкальным, однако он воздействовал на него как музыка. Хотелось слушать этот голос снова и снова.

– Откуда вы родом?

– Из Нагано, сэр.

– Очень красивый город, и к тому же там прошли Олимпийские игры...

Гэн кивнул, но не стал развивать тему Олимпийских игр.

Господину Хосокаве очень хотелось продолжить разговор. Перелет был долгим, и ему казалось, что за это время он разучился общаться с людьми. Он считал, что Гэн просто обязан вывести его из этого состояния.

– А ваша семья в Нагано?

Гэн Ватанабе минуту помедлил с ответом, как будто что-то вспоминал. Мимо них прошла большая компания австралийских подростков, все с маленькими рюкзаками за спиной. Все пространство аэропорта заполнилось их звенящими криками и смехом. «Вомбат!» – завопила одна девчонка, и другие тут же подхватили: «Вомбат! Вомбат! Вомбат!» На минуту смех смолк, они крепко схватили друг друга за руки.

– Да, все в Нагано, – ответил Гэн, внимательно глядя вслед уходящим подросткам. – Отец, мать и две сестры.

– А ваши сестры, они замужем? – Господину Хосокаве было совершенно не интересно, замужем сестры или нет, однако этот голос был так хорош, что его можно было спокойно поместить в увертюру первого акта... только вот какой оперы?

– Замужем, сэр. – Гэн взглянул прямо на него.

Внезапно этот скучный диалог затронул нечто неуместное, вышел за рамки благопристойности. Господин Хосокава отвернулся, Гэн подхватил чемоданы и повел всю компанию к выходу из аэропорта, прямо в лютый зной греческого полдня. Прохладный лимузин ждал с включенным двигателем, и мужчины уселись в него без промедления.

В течение следующих двух дней все, за что ни брался Гэн, шло как по маслу. Он напечатал написанный от руки доклад господина Хосокавы, следил за его распорядком дня, достал билеты на оперу «Орфей и Эвридика», хотя все места вроде бы были распроданы за шесть недель до спектакля. На конференции он

переводил выступления господина Хосокавы на греческий, речи других участников – на японский и во всех делах проявил себя смысленным, расторопным и профессиональным помощником. Однако больше всего господина Хосокаву восхищало не то, сколько всего успевает молодой человек, а то, как незаметно это у него выходит. Гэн казался его собственным продолжением, невидимым вторым «я», которое постоянно предвосхищало его нужды и потребности. Господин Хосокава удостоверился в том, что на Гэна можно полностью положиться, что он вспомнит все, о чем забудет он сам. Однажды во время частного приема, на котором обсуждались вопросы морских перевозок, слушая, как Гэн подхватывает и переводит на греческий его слова, господин Хосокава наконец разгадал этот голос. До чего же знакомо звучит! – подумал господин Хосокава. Это же его собственный голос!

– В Греции я не веду большого бизнеса, – сказал Гэну господин Хосокава вечером, когда они сидели в баре афинского «Хилтона». Бар находился на последнем этаже отеля, и оттуда открывался вид на Акрополь. Казалось, легендарная возвышенность, издаലെка выглядевшая крохотной и сделанной будто из мела, поставлена тут лишь для услаждения взора выпивающих туристов. – А какими еще иностранными языками вы владеете? – Господин Хосокава слышал, как Гэн разговаривал по телефону по-английски.

Гэн написал список, время от времени задумываясь, не пропустил ли чего-нибудь. Все языки он разделил на категории по степени своего знания: абсолютно свободное, весьма беглое, беглое, удовлетворительное, только чтение. Молодой человек знал больше языков, чем было перечислено коктейлей в пластиковом меню на столе. Они оба заказали себе коктейль под названием «Ареопаг». Они чокнулись.

Испанским языком Гэн владел «абсолютно свободно».

Теперь, на другом конце света, в стране, которая была для него еще более чужой, чем Греция, господин Хосокава снова вспомнил афинский аэропорт, всех этих людей с усами и автоматами, потому что они были очень похожи на нынешних вооруженных парней. В тот далекий день произошло его знакомство с Гэном. Когда это было? Четыре года тому назад? Пять? После той конференции Гэн вернулся с ним в Токио и начал работать на него постоянно. Когда переводить было нечего, Гэн просто брал на себя те дела, которыми до этого никому и в голову не приходило заняться. Для господина Хосокавы Гэн стал

абсолютно необходимым, и порой он забывал, что сам не владеет языками, что голос Гэна – это не его собственный голос. Сейчас он тоже не понимал, о чем говорят люди с автоматами, и тем не менее ему все было совершенно ясно. В худшем случае их можно уже считать мертвецами. В лучшем – они стоят в начале длинного и страшного испытания. Господин Хосокава приехал в такое место, куда ему ни в коем случае не следовало приезжать, позволил этим иностранцам поверить в то, что отнюдь не являлось правдой, и все ради того, чтобы послушать пение женщины. Он бросил взгляд на другой конец комнаты, где стояла Роксана Косс. Он едва смог ее разглядеть: аккомпаниатор затолкал певицу между собой и роялем.

– Президент Масуда! – позвал человек с усами и с ружьем.

По рядам нарядных гостей прошло тяжелое шевеление: никто не хотел сообщать террористу неприятную новость.

– Президент Масуда, выйдите вперед!

Люди стояли, потупив глаза, и чего-то ждали, и тогда человек с ружьем опустил его так, что дуло теперь смотрело прямо в толпу и, казалось, было нацелено на блондинку лет пятидесяти по имени Элиз, банкиршу из Швейцарии. Та испуганно заморгала, а затем обеими ладонями прикрыла грудь, словно это было то самое место, куда, вероятнее всего, попадет пуля. Она приносила в жертву свои руки, как будто они могли на долю секунды защитить ее сердце. В толпе послышались вздохи – и только. Повисло гнетущее ожидание. Оно исключало любые проявления героизма или хотя бы рыцарства. И тут вице-президент принимающей страны сделал маленький шаг вперед.

– Я вице-президент Рубен Иглесиас, – сказал он человеку с автоматом. Он казался ужасно усталым. Он был очень маленьким человечком, низкого роста и хрупкого телосложения, и это сыграло при его избрании на должность роль не меньшую, чем его политические убеждения. Согласно царящим в правительстве извращенным понятиям при высоком вице-президенте глава государства кажется слабым и легко смещаемым. – Президент Масуда не смог прибыть на этот вечер. Его здесь нет. – Голос вице-президента звучал глухо. Слишком тяжелый груз свалился на его плечи.

– Врешь! – отрезал человек с автоматом.

Рубен Иглесиас печально покачал головой. Никто больше его не желал, чтобы президент Масуда сейчас оказался здесь, а не валялся в собственной постели, прокручивая в голове сюжет последней серии мыльной оперы. Командир Альфредо быстро перевернул в руках автомат и держал его теперь не за приклад, а за дуло. Он поднял автомат и ударил им вице-президента по лицу, около глаза. Раздался глухой удар – звук по сравнению с действием совсем не страшный, – приклад распорол маленькому человечку кожу, и тот рухнул на пол. Кровь полилась из раны несколькими ручейками. Один из них устремился к уху пострадавшего, словно стремясь снова вернуться в его голову. Тем не менее все, включая самого вице-президента, в полуобморочном состоянии лежавшего на ковре в собственной гостиной, где он всего десять часов назад возился со своим трехлетним сыном, были приятно поражены тем, что его не застрелили.

Человек с ружьем посмотрел на вице-президента, а затем, как будто удовлетворенный этим зрелищем, скомандовал всем остальным участникам вечера лечь на пол. Для тех, кто не говорил по-испански, все стало ясно, когда испаноговорящие гости один за другим принялись становиться на колени, а затем распластываться на полу.

– Лицом вверх, – добавил человек с ружьем.

Те, кто первоначально лег неправильно, торопливо переворачивались. Двое немцев и один аргентинец вообще не желали ложиться, до тех пор пока не получили от солдат удар прикладом под колени. Лежащие гости занимали гораздо больше места, чем стоящие, так что некоторым пришлось занять места в коридоре и в столовой. Теперь на полу находился сто девяносто один гость, двадцать официантов, семь шеф-поваров и их помощников. Трое детей вице-президента вместе с гувернанткой были вытащены из своих спален и согнаны вниз, но, впрочем, несмотря на поздний час, они все равно еще не спали, потому что с верхних ступеней лестницы смотрели и слушали выступление Роксаны Косс. Им тоже пришлось лечь на пол. Серьезные и важные мужчины и женщины валялись, словно половые тряпки. Среди них были послы и дипломаты разных рангов, члены кабинетов различных правительств, президенты банков, главы корпораций, один епископ и одна оперная звезда, которая казалась теперь намного миниатюрнее, чем когда стояла на ногах. Аккомпаниатор потихоньку наползал на нее, стараясь полностью прикрыть Роксану Косс своей широкой спиной. Она поежилась. Женщины, которые верили, что все это очень скоро закончится и к двум часам ночи они окажутся дома в своих постелях, старались расправить и разгладить свои пышные юбки, чтобы те не слишком помялись.

Другие, кто считал, что скоро их всех застрелят, позволяли шелку мяться и пачкаться. Когда все наконец окончательно разместились на полу, в комнате наступила поразительная тишина.

Теперь все присутствующие четко разделялись на две группы – стоячих и лежачих. Поступило новое распоряжение: лежачим вести себя тихо, пока стоячие проверяют их на предмет наличия оружия, а также на тот случай, если среди них все-таки спрячется президент.

Можно себе вообразить, какой страх и унижение испытывали лежащие на полу люди. На них можно было наступить; их можно было пнуть ногой. Их можно было застрелить, при этом они не имели ни малейшего шанса спастись бегством. И тем не менее на полу люди чувствовали себя лучше. Им не надо было больше думать о сопротивлении, о том, как бы прорваться к выходу. Вероятность того, что их обвинят в чем-то, чего они не делали, теперь практически отпала. Они напоминали маленьких собачек, которые добровольно подставляют свои шеи и животы под острые зубы свирепых псов, словно говоря: сдаюсь! Даже русские, еще минуту назад шепотом обсуждавшие план бегства, почувствовали облегчение от собственной покорности и смирения. Многие гости закрыли глаза. Время было позднее. Желудки их были переполнены вином, рыбными деликатесами и телячьими отбивными. Как бы напуганы они ни были, устали они не меньше. Башмаки, которые топали вокруг них, перешагивали через них, были старыми и грязными. Грязь оставляла жирные следы на прекрасном узорчатом ковре (который лежал, к счастью, на хорошей подкладке). Башмаки были дырявые, сквозь дыры проглядывали пальцы ног – прямо у самых глаз гостей. Некоторые башмаки вообще успели развалиться и были перевязаны кусками изоленты, тоже грязной, обтрепанной по краям. Молодые люди ползали на четвереньках между гостями. Улыбок на их лицах не было, но не было и свирепости. Легко можно было себе вообразить, как развивались бы события, останься гости стоять на ногах: мальчишки, вооруженные до зубов, наверняка захотели бы продемонстрировать свое превосходство более взрослым, более высоким и прекрасно одетым людям. Теперь же мальчишеские пальцы двигались быстро, вполне уважительно. Они просматривали карманы, ощупывали брюки. С женщинами поступали совсем деликатно: только легкое похлопывание по юбкам. Иногда какой-нибудь парень наклонялся, некоторое время колебался, а потом отползал дальше. Они нашли очень мало интересного, ведь присутствующие собрались всего-навсего на ужин.

Невозмутимый командир Эктор занес в свою записную книжку следующие находки: шесть серебряных перочинных ножей в брючных карманах, четыре ножа для обрезания сигар на часовых цепочках, один крохотный, чуть больше расчески, пистолет с инкрустированной рукояткой в вечерней дамской сумочке. Они было подумали, что это зажигалка, и даже попытались высечь из нее огонь, но пистолет выстрелил, оставив маленькую выбоину на поверхности обеденного стола. В ящике стола нашли нож для разрезания писем с эмалевой ручкой, на кухне – множество ножей и вилок разных размеров и форм. На стойке возле камина – кочергу и совок. Нашли тупоносый «смит-и-вессон» 38-го калибра в ночном столике вице-президента – тот даже не стал отпираться. Все это они заперли в один из бельевых шкафов наверху. Часы, бумажники и драгоценности они не тронули. Один парень взял мятную жевательную резинку из женской сумочки, однако предварительно подержал ее перед лицом владелицы, как бы прося разрешения. Женщина слегка кивнула, и он с улыбкой стащил с упаковки целлофан.

Один из бойцов напряженно вглядывался в лица Гэна и господина Хосокавы – посмотрел, отошел, вернулся, чтобы взглянуть еще раз, наступил при этом на ладонь лежащего рядом официанта – тот сморщился и быстро отдернул руку. «Командир!» – позвал парень, слишком громко в такой тишине. Гэн придвинулся поближе к своему шефу, как бы говоря своим движением, что они вместе, что их надо рассматривать как одно целое.

Перешагивая через теплые и трепещущие тела гостей, приблизился командир Бенхамин. На первый взгляд могло показаться, что его лицо изуродовано большим родимым пятном винно-красного цвета, однако через секунду становилось ясно, что это не пятно, а буйный лишай. Красным ручейком он стекал из-под густой черной шевелюры по левому виску и останавливался где-то возле глаза. От одного взгляда на эту хворобу пробирала жалость. Командир Бенхамин посмотрел в ту сторону, куда указывал пальцем мальчишка, и тоже долго рассматривал господина Хосокаву. «Нет», – наконец произнес он. Он уже собрался отойти, но потом снова повернулся к господину Хосокаве и непринужденно пояснил: «Он подумал, что вы президент».

– Он подумал, что вы президент, – быстро перевел Гэн, и господин Хосокава кивнул в знак понимания. Действительно, президент тоже был японцем лет пятидесяти и носил очки. Кроме того, вокруг лежало еще с полдюжины японцев.

Командир Бенхамин приставил винтовку к груди Гэна и надавил на нее. Дуло было не шире пуговицы на манишке у японца и давило резко и сильно. «Не разговаривать!» – произнес командир.

Гэн сказал, что он переводчик. Командир несколько мгновений обдумывал эту информацию, как будто ему сообщили, что господин Хосокава был глухим или немым. Затем убрал винтовку от груди Гэна и отошел. Наверняка, подумал Гэн, от болезни этого человека есть какое-то лекарство. Когда он вздыхал, в груди, там, куда уперлось дуло винтовки, возникала пульсирующая боль.

Не так далеко от них, возле рояля, двое террористов винтовками тыкали в аккомпаниатора до тех пор, пока он не скатился с Роксаны Косс. Ее волосы, недавно собранные в изящный пучок на затылке, совсем растрепались. Она осторожно вытащила из прически шпильки и сложила в аккуратную пирамидку на животе – если кто-то сочтет их оружием, пусть забирает. Теперь волосы, длинные и вьющиеся, свободно раскинулись вокруг ее головы, и все молодые террористы сочли нужным пройти мимо нее и полюбоваться. Некоторые, самые нахальные, даже дотрагивались – не гладили, конечно, лишь легонько касались пальцем завитых кончиков. Когда они наклонялись над ней, то ощущали аромат ее духов, совсем непохожий на духи других обысканных ими женщин.

Поразительно, но от примадонны исходил запах маленьких белых цветочков, которые росли в саду на их пути к вентиляционным трубам. Даже в такую ночь, когда головы бойцов были заняты тяжелыми думами о том, что их ждет – свобода или смерть, они уловили запах этих крохотных колокольчиков у подножия оштукатуренной стены и, встретив его вновь – так скоро, в волосах прекрасной женщины, расценили как доброе предзнаменование. Они слышали ее пение, когда, скрючившись, ждали своего часа в вентиляции. Всем им дали четкие, строгие указания. Лампы должны были погаснуть после шестой песни. Никто из них до сего дня понятия не имел о том, что такое концерт и что значит вызывать артиста на бис. Никто из них не знал, что такое опера и чем оперное пение отличается от обычного, беззаботного выражения своих чувств во время рубки дров или таскания воды из колодца. Никто им никогда этого не объяснял. Даже командиры, успевшие в своей жизни побывать в больших городах и имевшие некоторое образование, сидели затаив дыхание, только чтобы лучше слышать Роксану Косс. Юные же боевики, ожидающие своего часа в вентиляционных отдушинах, были людьми простыми и верили в простые вещи. Когда какая-нибудь девушка из их деревни хорошо пела, старухи говорили, что она проглотила птичку. Так бойцы и повторяли про себя, глядя на пирамидку из

шпилек, возвышавшуюся на фисташковом шифоне ее платья: она проглотила птичку. Но они знали, что это неправда. При всем их невежестве, при всей их дикости они прекрасно понимали, что таких птичек на свете не существует.

Парни все подходили и подходили, один опустился на корточки и взял ее за руку. Он держал ее очень легко, не сжимал, а лишь подложил свою ладонь под ее, так что она могла в любую минуту убрать руку, но она этого не делала. Роксана Косс прекрасно знала, что чем дольше она позволит мальчику касаться своей ладони, тем больше он ее полюбит. А если он ее полюбит, то, вполне возможно, попытается защитить от остальных террористов, да и от себя самого тоже. Он выглядел невероятно молоденьким и даже красивым. Под длинным козырьком кепки виднелись глаза, обрамленные длинными шелковистыми ресницами. На узкой груди висел патронташ, мальчик сутулился под его тяжестью. Грубая деревянная рукоятка самого простого кухонного ножа высывалась из его башмака, а пистолет едва не выпадал из кармана. Роксана Косс подумала о Чикаго, о студеных октябрьских ночах. Если бы этот парень жил в другой стране и совершенно другой жизнью, на следующей неделе он пошел бы выпрашивать конфеты на Хеллоуин – ну и что, что он уже большой? Нарядился бы террористом, нацепил на ноги старые садовые башмаки, смастерил из гофрированного картона патронташ, а вместо пуль набил его футлярчиками из-под маминой помады. Он не смотрел на нее, только на ее руку. Изучал ее так, словно та существовала сама по себе, отдельно от Роксаны Косс. В других обстоятельствах Роксана наверняка бы вырвалась, но, учитывая крайне необычные обстоятельства этого вечера, оставила свою руку в руке бойца. Пусть изучает.

Акомпаниатор поднял голову и сверкнул на мальчишку глазами. Тот отпустил руку Роксаны Косс и поднялся с пола.

* * *

Бандиты оказались перед двумя непреложными фактами: ни у кого из гостей не было оружия и среди них не было президента Масуды. Вооруженные мальчишки группами обыскивали подвал, чердак, обходили высокую оштукатуренную стену, окружавшую сад, дабы убедиться, что в общей суматохе никто из гостей не спрятался. И возвращались ни с чем. Через открытые окна доносилось пронзительное стрекотание насекомых. В гостиной вице-президентского дома стояла тишина. Командир Бенхамин присел возле вице-президента, из раны

которого кровь текла, не переставая, на обеденную салфетку, заботливо приложенную к его голове лежавшей рядом женой. Вокруг глаза вице-президента образовался весьма зловещий синяк. Но даже ему было далеко до командирского лишая.

- Где президент Масуда? - спросил командир, как будто только сейчас заметил его отсутствие.

- Дома. - Вице-президент взял из рук жены окровавленную салфетку и сам приложил ее к голове.

- Почему его нет на вечере?

По существу, командир интересовался, нет ли в его организации крота. Не шепнул ли кто президенту о готовящемся нападении? Однако вице-президента, почти ослепшего от удара, переполняла горечь, а горечь, как известно, двоюродная сестра правды.

- Он хотел посмотреть мыльную оперу, - сказал Рубен Иглесиас, и в комнате, полной покорно молчащих людей, его голос донесся до каждого уха. - Он хотел увидеть, освободится ли сегодня Мария.

- А почему мне сказали, что он должен быть здесь?

Вице-президент ответил без запинки и без всяких угрызений совести:

- Сначала он согласился, а потом передумал.

Лежавшие на полу взволнованно зашевелились. Те, кто ничего не подозревал, были потрясены ничуть не меньше, чем те, кто знал обо всем. В этот самый момент закончилась политическая карьера Рубена Иглесиаса. Между ним и президентом Масудой никогда не существовало особой симпатии, а теперь Масуда скинет его наверняка. Вице-президент всегда усердно работал, потому что надеялся, что в один прекрасный день управление страной перейдет в его руки, как собственность переходит по наследству от отца к сыну. Стиснув зубы, он брал на себя всю грязную работу, выстаивал на церемониальных похоронах, выезжал в места землетрясений. Он одобрительно кивал в продолжение всех

бесконечных президентских речей. Но в эту ночь уверенность в том, что он когда-нибудь станет президентом, его покинула. Ее сменила уверенность в том, что он будет убит вместе со всеми своими гостями и собственными детьми. А раз так, то пусть мир узнает, что Эдуардо Масуда, человек, ростом всего на сантиметр выше его самого, во время столь важных государственных событий смотрит дома телевизор.

Католические священники, сыновья испанских миссионеров-убийц, любили повторять своей пастве, что правда делает их свободными, и применительно к данному конкретному случаю они были совершенно правы. Командир по имени Бенхамин уже поднял винтовку и приготовился отправить вице-президента в мир иной, однако рассказ о мыльной опере его остановил. Хотя он и был взбешен тем, что пять месяцев тщательной подготовки к похищению президента и, возможно, свержению всего правительства оказались безрезультатными и теперь ему надо что-то делать с двумястами двадцатью двумя заложниками, лежащими перед ним на полу, – в слова вице-президента он поверил безоговорочно. Такую жалкую глупость нарочно не выдумает. Командир Бенхамин никогда не останавливался перед убийством и тем более не испытывал потом ни малейших угрызений совести, потому что прекрасно знал из своего личного опыта, что человеческая жизнь представляет собой не более чем череду мучительных страданий. Если бы вице-президент сказал, что у президента простуда, он бы его застрелил. Если бы вице-президент сказал, что у президента неотложные дела, касающиеся национальной безопасности, он бы его застрелил. Если бы вице-президент сказал, что все это просто уловка и президент даже не собирался приходить на это мероприятие, – бабах, и не стало бы вице-президента. Но Мария! Даже в джунглях, где телевизоры встречаются редко, связь ненадежна, где электричество включается от случая к случаю, люди обсуждали Марию. Даже Бенхамин, который ничем не интересовался, кроме свободы бедных и угнетенных, знал кое-что про Марию. Этот сериал шел по телевизору днем с понедельника по пятницу, но во вторник вечером давали особую, обзорную серию для тех, кто днем работает. Если Марию предполагалось освободить, то ничего удивительного нет в том, что это произошло вечером во вторник.

Согласно разработанному плану президента Масуду должны были захватить за семь минут. Сейчас заговорщики уже должны были быть далеко за пределами города, спешно уходить по опасным дорогам, что вели в джунгли.

И тут за окнами стали возникать ярко-красные всполохи и раздался пронзительный и мерзкий вой сирены. В нем слышался приговор. С пением он не имел ничего, совсем ничего общего.

Глава вторая

Всю ночь напролет внешний мир ревел, громыхал и горланил. Подъезжающие машины с визгом тормозили и с визгом же отъезжали. Сирены то замолкали, то снова принимались выть. Кто-то возводил деревянные баррикады, и за ними собирались люди. Удивительно, как много звуков улавливали заложники теперь, когда лежали на полу. У них было время прислушаться хорошенько – вот, шарканье ног, а вот дубинка похлопывает по ладони. Они уже вдоволь насмотрелись на потолок (светло-голубой с позолоченной лепниной, затейливой до безвкусицы, сплошные изгибы-завитки да три пулевых отверстия), так что закрывали глаза и обращались в слух. Голоса, многократно усиленные и исковерканные громкоговорителями, выкрикивали приказы тем, кто находился на улице, и категорические требования для тех, кто находился внутри. От них ожидали только безоговорочной и немедленной капитуляции.

– Положите оружие на землю перед дверями дома! – во всю мочь бесновался кто-то снаружи, из-за динамика казалось, будто голос его пробулькивает откуда-то со дна океана. – Немедленно откройте двери и выходите впереди заложников, руки за голову! Заложники пусть выходят через главный вход! В целях безопасности все заложники должны держать руки на голове!

Когда один выдыхался, громкоговоритель переходил в руки другого, который начинал все сначала с небольшими вариациями. Потом послышались громкие щелчки, и в окно гостиной холодным молоком хлынул, заставив всех зажмуриться, ослепительный голубовато-белый свет. Когда же об их беде узнали снаружи? Кто созвал всех этих людей и как случилось, что их собралось так много и прибыли они так быстро? Может, они все только того и ждали в каком-нибудь подвале полицейского участка, ждали ночи, подобной этой? Может, у них богатая практика в подобных делах: надрываясь что есть силы, орать через громкоговорители в пустоту? Даже заложники понимали, что ни один террорист не сложит оружие и не выйдет из дома только потому, что ему так велели. Даже они понимали, что чем дольше люди с громкоговорителем

повторяют свои требования, тем меньше у них шансов получить ответ. Каждый гость мечтал только об одном: чтобы у него самого нашлось припрятанное оружие – и уж он точно не сложит его перед дверями дома. А через некоторое время лежащие на полу обессилели настолько, что не грезили даже о том, чтобы все происшедшее оказалось страшным сном. Все, чего они желали, – это чтобы люди на улице разошлись по домам, выключили свои громкоговорители и позволили им хотя бы на полу, но поспать. Иногда крики и впрямь прекращались, и в несколько мгновений хрупкого и ложного покоя до их ушей доносилось кваканье древесных лягушек, пение цикад и железное лязганье передергиваемых затворов или взводимых курков.

Позже господин Хосокава рассказывал, что не сомкнул глаз всю ночь напролет. Однако Гэн прекрасно слышал, как после четырех часов ночи он периодически похрапывал, тихонько и с присвистом, будто сквозняк гулял в дверных щелях. И это похрапывание вселяло в Гэна спокойствие. Храп раздавался в разных концах комнаты: люди проваливались в сон кто на десять минут, кто на двадцать, но при этом лежали покорно, вытянувшись на спине. Аккомпаниатор очень медленно, так, что никто даже и не заметил, стянул с себя пиджак и сделал из него нечто вроде подушечки, которую подложил под голову Роксаны Косс. Всю ночь напролет грязные ботинки переступали через них, становились между ними.

Когда накануне вечером гости укладывались на пол, волнение отвлекало их от раздумий об ожидающей их судьбе, но наутро вязкий страх завладел всеми. Люди просыпались с тяжелыми мыслями о том, что же будет дальше, и ничего хорошего на ум не приходило. Грубая щетина за ночь покрыла подбородки мужчин, лица женщин были перепачканы расплывшейся от слез косметикой. Нарядная одежда измялась, узкие туфли натерли ноги. Спины и бедра болели от долгого лежания на твердой поверхности, шеи затекли до невозможности. И всем без исключения хотелось в туалет.

Помимо страданий, которые испытывали все заложники, господина Хосокаву терзала мысль о собственной ответственности. Ведь все эти люди собрались на его день рождения. Согласившись на этот надуманный прием, он подверг опасности столько жизней! Приехали несколько служащих компании «Нансей», включая Акиру Ямамото, руководителя отдела развития, и Тецуа Като, старшего вице-президента. Приехали вице-президенты «Сумитомо Мицуи Банк» и Банка Японии, Сатоси Огава и Йосики Аои. Пришли из чувства уважения к нему, хотя господин Хосокава лично и неоднократно уведомлял их, что они не обязаны

этого делать. Принимающая сторона прислала им отдельные приглашения, пояснив, что празднуется день рождения их самого ценного клиента – разве можно такое пропустить? Посол Японии тоже решил посетить прием. Теперь он лежал на половичке в дверном проеме.

Однако более всего господин Хосокава переживал из-за Роксаны Косс, хотя и понимал, что неправильно ставить одну жизнь выше другой. Она приехала в эти жуткие джунгли исключительно для того, чтобы для него петь. Каким тщеславием с его стороны было думать, что он заслуживает такого подарка. Ему вполне достаточно было слушать ее записи. Ему более чем достаточно было видеть ее в Ковент-Гарден и в Метрополитен-опера. С чего ему взбрело в голову, что еще лучше будет оказаться совсем рядом, вдохнуть запах ее духов? Ничем это оказалось не лучше. Акустика гостиной, если уж быть абсолютно честным, искажала ее голос. Он почувствовал крайнюю неловкость, когда заметил чрезмерно развитые мышцы ее широко раскрытого рта, а во рту – влажный розовый язык. Нижние зубы ее были неровными. Честь, оказанная ему, ничего не стоила в сравнении с той опасностью, которая грозила теперь ей и всем остальным. Господин Хосокава попробовал приподнять голову, чтобы увидеть Роксану Косс. Она лежала недалеко от него – во время концерта он стоял посреди комнаты. Сейчас ее глаза были закрыты, хотя ему показалось, что она не спит. Ее нельзя было назвать красивой женщиной, если взглянуть объективно, из положения лежа на полу. Все ее черты казались крупноватыми: нос длинный, рот слишком широкий. Глаза тоже были слишком большими, но это никак нельзя было поставить ей в упрек. Они напоминали господину Хосокаве синие цветы горечавки, растущие по берегам озера Нагано. Вспомнив об этом, он улыбнулся и хотел было поделиться своей мыслью с Гэном. Вместо этого он взглянул на Роксану Косс, лицо которой без усталости изучал на программках ее концертов и на вкладышах дисков. Да, ее плечи несколько покаты. Да, ее шея, пожалуй, могла быть и подлиннее. Шея подлиннее? Он обругал самого себя. О чем он думает? Какое это имеет значение? К тому же ни один человек не способен смотреть на нее объективно. Даже тем, кто видел ее сегодня впервые, еще до того, как она начала петь, она показалась лучезарной, словно талант не вмещался в ее голос и просачивался, как свет, через кожу. Сейчас же он видел только блеск ее тяжелых волос, бледно-розовую щеку и прекрасные руки. Аккомпаниатор поймал взгляд господина Хосокавы, и тот быстро отвернулся. Террористы начали поднимать некоторых заложников и куда-то уводить. Господину Хосокаве было нетрудно притвориться, что он интересуется именно этим обстоятельством.

К десяти часам утра среди заложников началось перешептывание. Не так уж трудно перекинуться словечком-двумя с соседом, если с улицы доносится такой грохот, а гостей одного за другим выводят в холл. Именно по этому поводу все и начали шептаться. Вначале все решили, что их сейчас будут мало-помалу расстреливать, возможно в саду, за домом. Виктор Федоров нащупал пачку сигарет в кармане пиджака и задумался, позволят ли ему затынуться напоследок. Волосы у него слиплись от ручьями текшего пота. Ради сигареты Федоров уже и не прочь был получить пулю. Заложники смолкли в ожидании своей участи, но тут вернулась первая группа. Улыбаясь, вернувшиеся что-то шептали своим соседям, и слова «туалет», «уборная», «сортир» облетели все помещение.

К каждому был приставлен сопровождающий – заляпанный грязью, вооруженный до зубов юный террорист. Одни конвоиры просто шли вслед за заложниками, другие держали своих подопечных за руку выше локтя, кто поаккуратнее, кто погрубее. Парень, приставленный к Роксане Косс, сжал ее ладонь, так что, выходя из гостиной, они напоминали влюбленных, отыскивающих пустынный уголок на берегу моря. Этот мальчишка был далеко не так хорош собой, как тот, что держал ее руку вчера вечером.

Некоторые все еще были уверены, что их вот-вот убьют, и снова и снова воображали, как террористы выводят их в ночи за дверь и пускают им пулю в затылок. Но Роксана Косс не думала ни о чем подобном. Может быть, кому-то и уготована такая участь, но только не ей. Кто же расстреляет оперную певицу? Она приготовилась быть любезной, не отнимала свою руку, но была уверена, что в нужное время выйдет на свободу. Обязательно. Она улыбалась, когда парень открывал перед ней дверь туалета. Она даже не удивилась бы, войди он за ней следом. Но он не вошел. Она заперла дверь, села на стульчак и разрыдалась. Намотала волосы на ладони и, громко, судорожно всхлипывая, прикрыла ими глаза. Будь проклят ее агент, который убедил ее, что ради таких денег стоит согласиться на это выступление! Шея ее затекла, Роксана Косс чувствовала, что находится на грани простуды, да и попробуй не простудись, проведя целую ночь на полу. Но разве она не играла Тоску? Разве она не прыгала несчетное число раз со стены замка Сант-Анджело? Играть Тоску тяжелее, чем спать на полу. После освобождения она будет петь только в Италии, Англии и Америке. «Италия, Англия, Америка», – она повторяла эти три слова снова и снова, пока не овладела собой и не перестала плакать.

Сесар, вооруженный мальчишка, который ждал ее в холле, не ломился в дверь, чтобы поторопить, как поступали с другими гостями. Он прислонился к стене и воображал себе, как она склоняется сейчас над краном, как полощет рот, как моет лицо и руки маленьким кусочком мыла в форме морской ракушки. Мысленно он все еще слышал ее пение и, чтобы скоротать время, даже пытался напевать запомнившиеся слова: «Vissi d'arte, vissi d'amore, non fece mai male ad anima viva!»[2 - Я лишь пела, нежно любила, зла я никому не делала в жизни! (ит.) - слова из арии Тоски.] Удивительно, как четко отпечатались эти звуки в его сознании. Да, она не торопится с умыванием, но что можно спрашивать с такой женщины? Она подлинный самородок. Ей нельзя мешать. Когда она наконец вышла из ванной, ее рука на ощупь была чуть влажной и волнующе-прохладной. «Vissi d'arte», - хотел он ей сказать, но не знал, что это значит. После того как он проводил ее на место возле рояля, увели аккомпаниатора, но тут же возвратили обратно. Он выглядел значительно хуже остальных гостей: мертвенно-бледное лицо, красные глаза. Хильберто и Франсиско, самые крупные из бойцов, крепко держали его с двух сторон и буквально волочили за собой. Все решили, что он попытался совершить побег через окно или дверь, и его скрутили, но, когда аккомпаниатора довели до места и отпустили, ноги у него подогнулись, точно бумажные. Он рухнул на пол без чувств. Террористы что-то объясняли Роксане Косс по-испански, но она по-испански не понимала.

Она слегка приподнялась, не зная, можно ли ей садиться, поправила его ноги. Аккомпаниатор был крупным человеком, не массивным, но высоким, и ей пришлось повозиться, чтобы уложить его как следует. Сперва Роксана Косс подумала, что он просто прикидывается. Она слышала, что в подобных ситуациях некоторые заложники притворяются слепыми, чтобы ускорить свое освобождение, однако вряд ли возможно нарочно так побледнеть. Голова аккомпаниатора, когда она его трясла, безвольно моталась из стороны в сторону. Один из официантов, лежавший рядом на полу, вытащил руки несчастного из-под туловища и уложил вдоль боков.

- Что с тобой? - прошептала она. Мимо протопали грязные ботинки. Она вытянулась рядом с аккомпаниатором и сжала пальцами его запястье.

Наконец он пошевелился и вздохнул, затем повернулся к ней. Он моргал так, словно только очнулся от глубокого и прекрасного сна. «Ничего с тобой не случится», - сказал он Роксане Косс, но его посиневшие губы при этом едва двигались, а голос звучал отстраненно и вымученно.

– Наверняка они потребуют выкуп, – сказал господин Хосокава Гэну.

Они вместе наблюдали за Роксаной и аккомпаниатором, причем несколько раз им казалось, что он уже умер, но тут он как раз шевелился или вздыхал.

– Компания «Нансей» должна выплатить выкуп, причем любой, из своего страхового фонда. Они выплатят его за нас обоих. – Он говорил так тихо, что его речь нельзя было назвать даже шепотом, однако Гэн его прекрасно понял. – Они также заплатят выкуп за нее. Только так. Она здесь за мой счет.

Аккомпаниатора, особенно если он болен, вряд ли будут держать тут долго. Хосокава вздохнул. Вообще-то в некотором смысле все присутствующие находились здесь за его счет. Сколько же придется в итоге заплатить выкупа?

– Я чувствую, что это я навлек на нас этот кошмар.

– Но у вас же нет в руках оружия, – возразил Гэн. Беседа на родном языке, столь тихая, что ее едва можно было слышать даже в двадцати сантиметрах от говорящих, успокоила обоих. – Это все из-за президента, это его они хотели похитить ночью.

– Жаль, что не похитили, – сказал господин Хосокава.

В другом конце комнаты, возле софы, отделанной золотой парчой, лежали, держа друг друга за руки, Симон и Эдит Тибо. Они держались особняком от других французов. Выглядели очень гармоничной парой, напоминали даже брата и сестру, оба голубоглазые и черноволосые. Они расположились на полу с таким достоинством, с такой грацией, что невозможно было представить, будто их принудили к этому под прицелом автомата. Они напоминали людей, которые прилегли отдохнуть, устав от долгого стояния на ногах. В то время как другие коченели и дрожали от страха, супруги Тибо тесно прижимались друг к другу, она положила голову ему на плечо, его щека терлась о шелк ее волос. Куда больше террористов Симона Тибо волновало то, что волосы его жены – удивительно! – пахнут сиренью.

В Париже Тибо тоже любил свою жену, хотя не всегда хранил ей верность и не слишком баловал вниманием. Они были женаты двадцать пять лет. Двое детей, летние каникулы на море вместе с друзьями, разные должности, разные собаки, Рождество в семейном кругу, в компании множества старших родственников. Эдит Тибо была элегантной женщиной, но в городе, где элегантных женщин тысячи, это не имеет особого значения. Случались дни, когда Симон Тибо вообще не вспоминал о жене. Он даже не задумывался, что она делает и счастлива ли она – пусть даже не как человек, а как супруга посла.

Потом, на волне правительственных обещаний, которые легко даются и столь же легко берутся назад, они были отправлены в страну, которую между собой называли не иначе, как «се раус маудит» – «эта проклятая страна». Оба встретили новое назначение с ужасом, однако не теряя головы. А через некоторое время после приезда случилось необыкновенное: Симон словно обрел жену заново, как песню юности, которую, казалось, давным-давно забыл. Внезапно он снова увидел ее двадцатилетней. Нет, не такой, какой она была много лет назад, она казалась ему сейчас гораздо прекраснее, чем тогда, – вернулись забытые чувства, биение сердца, безудержные вспышки желания. Он смотрел на нее дома, когда она резала свежие газеты, чтобы устелить ими полки на кухне, когда она лежала на животе поперек кровати и писала письма дочерям, студенткам парижского университета, и у него перехватывало дыхание. Неужели она всегда была такой, а он просто не замечал? А может, он знал об этом всегда, но по небрежности забыл? В этой стране с грязными дорогами и желтым рисом он открыл для себя, что любит ее, что он с ней одно целое. Возможно, этого не случилось бы, стань он послом в Испании. Не случись в его карьере неожиданного поворота, не окажись он в этом кошмарном краю, он, может быть, так никогда бы и не понял, что его единственная в жизни любовь – это она, его жена.

– Что-то они не особенно торопят нас убивать, – прошептала Эдит Тибо своему мужу, и ее губы при этом коснулись его уха.

Казалось, вокруг нет ничего – только белый песок и ярко-голубая вода. Эдит входит в океан спиной к нему, вода плещется у ее бедер... «Хочешь, я поймаю тебе рыбку?» – кричит она ему, а затем исчезает в волнах.

– Они нас разлучат, – сказал Симон.

Она крепко схватила его за руку:

– Пусть только попробуют!

В прошлом году в Швейцарии проводился обязательный семинар для дипломатов по правилам поведения во время захвата посольства. Он прекрасно понимал, что те же правила подходят и для данного случая. В скором времени террористы уведут от них женщин. Потом они... Он велел себе не думать дальше. Если честно, он не очень помнил, что произойдет потом. Он только гадал, разрешат ли ему, когда они уведут Эдит, оставить у себя какую-нибудь ее вещь, например серьгу. «Как же быстро мы свыкаемся с худшим!» – подумал Симон Тибо.

После того как все вернулись из туалета, тихий шепот по углам превратился в несмолкаемый гул. Поднявшись и размяв ноги, люди уже не чувствовали себя на полу такими униженными и покорными. То тут, то там возникали робкие разговоры, шепот становился все громче и оживленнее, пока обстановка не стала напоминать коктейльную вечеринку, с той лишь разницей, что все участники лежали плашмя. В конце концов командир Альфредо вынужден был прострелить еще одну дыру в потолке, и это положило болтовне конец: несколько сдавленных всхлипываний – и тишина. Не более чем через минуту после выстрела раздался стук в дверь.

Все повернули головы на звук. Снаружи орал громкоговоритель, шумела толпа, лаяли собаки, стрекотали зависшие над крышей вертолеты – но никому еще не приходило в голову постучать. Все в доме насторожились, как насторожится любой, к кому заявили на порог непрошеные визитеры. Юные террористы нервно переглядывались, сглатывали слюну и нащупывали спусковые крючки своих автоматов, словно показывая, что готовы всадить в кого-нибудь пулю. Три командира после короткого совещания выстроили солдат в две шеренги по обе стороны от входа. Командир Бенхамин вытащил свою винтовку и, пнув вице-президента башмаком в плечо, заставил его встать и отправиться к двери.

Проделал он это для того, чтобы под пули находившегося за дверью человека, если тому придет в голову стрелять, первым попал Рубен Иглесиас. Вице-президент поднялся со своего лежбища возле пустого камина, где рядом с ним лежали жена и трое детей (две ясноглазые девочки и один маленький мальчик с лицом, раскрасневшимся от глубокого сна). Няня Эсмеральда тоже была с ними. Она была уроженкой севера и бесстрашно смотрела террористам прямо в глаза.

Иглесиас взглянул на потолок: он опасался, что последний выстрел повредил какую-нибудь трубу. Чинить потом замучаешься. Припухлость на правой скуле постоянно увеличивалась и меняла цвет, сейчас она была красно-желтой. Правый глаз полностью заплыл. А кровь все текла и текла, ему уже дважды пришлось поменять столовую салфетку. Когда Рубен Иглесиас был мальчиком, он по многу часов молился на коленях в католическом храме о том, чтобы Господь даровал ему высокий рост – то, что не считал нужным даровать никому из его многочисленного семейства. «Господь лучше знает, чем ему тебя одарить», – говорили священники, ни капли не сочувствуя его беде, но они оказались правы. Маленький рост помог ему стать вторым человеком в государстве, а вчера, по всей вероятности, уберечь от серьезного ранения, когда удар прикладом пришелся по твердым костям черепа, а не снес Иглесиасу, скажем, челюсть. Его вид свидетельствовал, что у террористов не все шло по плану в минувшую ночь, – недурной знак для находившихся снаружи. Когда вице-президент встал, пошатываясь от боли, командир Бенхамин начал подталкивать его к двери дулом винтовки. От стресса его лишай неизменно обострялся, и сейчас командирские нервные окончания набухали крохотными шариками боли. О горячем компрессе он мечтал едва ли не больше, чем о революции. Стук в дверь повторился.

– Иду! – проговорил Рубен Иглесиас, обращаясь не столько к стучавшему, сколько к вооруженному человеку за спиной. – Я еще помню, где находится моя дверь. – Он знал также, что его жизнь, возможно, подошла к концу, и понимание этого вселяло в него какую-то безрассудную смелость, которую он находил даже полезной.

– Медленно! – приказал командир Бенхамин.

– Медленно, как же, рассказывайте мне, как я должен открывать мою дверь! – пробормотал вице-президент сквозь зубы и открыл дверь по своему усмотрению, ни быстро, ни медленно. Человек, стоящий у парадного входа, производил впечатление в высшей степени странное. Длинные желтовато-белые волосы разделены на пробор и зачесаны назад, белая рубашка, черный галстук, черные брюки – он выглядел типичным протестантским миссионером. Пиджак он не надел то ли из-за жары, то ли специально для того, чтобы видна была нарукавная повязка Красного Креста. Его лицо покраснело от жары, и Рубену Иглесиасу захотелось пригласить гостя внутрь – укрыться от солнца. Вице-президент взглянул за его спину, на ворота своего сада или того, что считал своим садом. На самом деле дом ему не принадлежал, точно так же как сад,

персонал, мягкие кровати и пушистые полотенца. Все это служебное и будет принято по описи, когда его отправят в отставку. Его собственное имущество хранилось на складе, и временами он с надеждой думал, что оно так там и останется, а он со своей семьей благополучно переедет в президентский дворец. Сквозь слегка приоткрытые ворота он увидел сердитую толпу: полицейские, военные, репортеры. Кое-где на деревьях поблескивали вспышки фото- и телекамер.

– Иоахим Месснер, – представился человек, протягивая руку. – Я из Международного Красного Креста. – Он говорил по-французски и, когда вице-президент растерянно замигал в ответ, повторил фразу на посредственном испанском.

От него веяло таким спокойствием, словно он даже не подозревал о царящем вокруг хаосе, словно зашел для сбора пожертвований. Красный Крест постоянно действовал в этой стране и помогал жертвам землетрясений и наводнений – тем самым, которых постоянно приходилось утешать вице-президенту. Рубен Иглесиас пожал руку гостю, а потом жестом попросил его подождать.

– Красный Крест, – произнес он, повернув голову в сторону стоящих за спиной террористов.

И снова между тремя командирами произошло совещание, на котором было решено, что посетителя можно впустить.

– Вы уверены, что хотите войти внутрь? – спросил вице-президент по-английски. Его английский был тоже не ахти, примерно как испанский миссионера. – Они не пообещали, что выпустят вас отсюда.

– Они выпустят меня, – сказал человек и шагнул внутрь. – У них и так перебор заложников. Вряд ли им надо еще больше. – Он окинул взглядом террористов, а затем снова обернулся к вице-президенту: – С лицом у вас нехорошо.

Рубен Иглесиас пожал плечами, как бы говоря, что относится к этому философски – все ж таки винтовка повернулась к нему более гуманной стороной, но Месснер решил, что тот его просто не понял.

– Я говорю по-английски, по-французски, по-немецки и по-итальянски, – сказал он по-английски. – Сам я швейцарец. По-испански говорю чуть-чуть. – С помощью большого и указательного пальцев он показал это «чуть-чуть». – Вообще-то здесь не мой регион. Не поверите, я приехал сюда в отпуск. У вас потрясающие развалины. Отдыхаю себе, и тут вдруг зовут работать. – Держался Иоахим Месснер как-то чрезмерно непринужденно, как сосед, который зашел, чтобы занять несколько яиц, но заболтался. – Если общаться будем по-испански, давайте я позову переводчика, он ждет за воротами.

Вице-президент кивнул, однако, по правде сказать, половины сказанного не уловил. По-английски он понимал, но только при условии, что слова произносятся четко и отдельно, а в затылок ему не смотрит автоматное дуло. Он вспомнил, что переводчики на приеме должны быть. Но даже если их тут нет, все равно лучше сказать об этом командиру.

– Нужен переводчик, – сказал он.

– Переводчик, – повторил командир Бенхамин и оглядел лежавших, припоминая, что сегодня ночью уже шла речь о переводчиках. – Переводчик?

Гэн, который был весьма услужливым, но отнюдь не героическим по натуре человеком, минуту лежал, не шевелясь и вспоминая острую боль от упершегося в грудь дула винтовки. Но молчать было бесполезно: рано или поздно все равно выяснится, что он переводчик.

– Вы не возражаете? – прошептал он господину Хосокаве.

– Валяй, – ответил тот и тронул Гэна за плечо.

Гэн Ватанабе полежал еще мгновение, а затем робко поднял руку.

Командир Альфредо велел ему подняться. Гэн, как и большинство мужчин, лежал разувшись и теперь принялся натягивать на ноги ботинки, но Альфредо сурово на него зыркнул. Гэн прошествовал между гостями в одних носках. Перешагивать через людей казалось ему грубостью, и Гэн извинялся на разных языках: «Perdon, perdonare, pardon me».

– Иоахим Месснер, – представился человек из Красного Креста и пожал Гэну руку. – Вы что предпочитаете: английский, французский?

Гэн пожал плечами.

– Тогда французский, если вам все равно. Вы в порядке? – Месснер спрашивал по-французски. Лицо его являло собой замечательное сочетание красок: пронзительно-синие глаза, ослепительно-белая кожа с ярко-красными солнечными ожогами и желтые-прежелтые, как американская кукуруза, волосы.

Здесь есть все основные цвета, подумал Гэн. Такое лицо может стать началом какой угодно картины.

– Мы в порядке.

– С вами дурно обращались?

– По-испански! – приказал командир Альфредо. Гэн перевел на испанский, а затем, скосив глаза на вице-президента, повторил, что у них все хорошо. По вице-президенту никак нельзя было сказать, что он в порядке.

– Скажите им, что я могу выполнять роль переговорщика. – Месснер немного подумал и сам произнес – довольно неплохо – эту же фразу по-испански. Потом улыбнулся Гэну и сказал по-французски: – Лучше мне не пробовать. А то еще скажу что-нибудь неправильно, и мы все вляпаемся в ужасные неприятности.

– По-испански! – снова приказал Альфредо.

– Он говорит, что ему трудно говорить по-испански.

Альфредо кивнул.

– Разумеется, мы желаем безусловного освобождения всех заложников, целых и невредимых. А для начала давайте вы выпустите тех, кто вам не нужен. – Месснер оглядел пол, усеянный хорошо одетыми людьми и официантами в белых пиджаках; все, выворачивая шеи, глазели на него. Картина в гостиной была совершенно дикая. – Здесь слишком много народа. А у вас наверняка

кончается еда, а уж к вечеру точно кончится. Вам совершенно не нужно такое количество людей. Предлагаю освободить женщин, персонал, больных и тех, без кого вы можете обойтись. Начнем с этого.

– А что в обмен? – спросил командир.

– В обмен – еда, подушки, одеяла, сигареты. Что вам нужно?

– У нас есть требования.

Месснер кивнул. Вид у него был серьезный, но усталый, как будто подобные диалоги ему приходится вести каждое утро перед завтраком или все дни рождения, на которые он попадает, заканчиваются подобными заварушками.

– Я не сомневаюсь, что они у вас есть, и не сомневаюсь, что они будут услышаны. Но я говорю о том... – Он обвел рукой помещение, показывая, что имеет в виду лежащих на полу людей. – Я говорю о том, что вот это вот никому не надо. Освободите тех, кто вам не нужен, и это будет воспринято как жест доброй воли. Вы уже и так показали себя разумными людьми.

– А кто это считает нас разумными? – спросил командир Бенхамин Гэна, который все перевел.

– Вы уже двенадцать часов держите здесь людей, и никто из них не умер. Ведь правда, никто не умер? – спросил Месснер Гэна. Тот кивнул и перевел первую фразу. – По моим понятиям, это значит, что вы вменяемы.

– Скажите, чтоб они прислали сюда президента Масуду. Мы пришли сюда за президентом, и в обмен на него мы отпустим всех. – Командир размашистым жестом обвел комнату. – Посмотрите на этих людей! Я даже не знаю, сколько их тут всего! Двести? А может, больше? Попробуйте сказать, что один человек в обмен на двести – это неразумно!

– Президента они вам не отдадут, – сказал Месснер.

– Мы прибыли сюда за ним.

Месснер кивнул и стал очень серьезным.

– А я прибыл сюда в отпуск. Похоже, никто сегодня не получит того, за чем прибыл.

Все это время Рубен Иглесиас стоял рядом с Гэном и молча слушал, словно разговор его не касался. Среди присутствующих в комнате он был политиком самого высокого ранга, и тем не менее никто не воспринимал его как важную персону или равноценного заместителя президента. Если спросить среднестатистического гражданина этой прекрасной страны, столь мало охваченной средствами массовой коммуникации, кто у них вице-президент, скорей всего, он просто пожмет плечами да отвернется. Что такое вице-президент – проходная фигура, все они на одно лицо, никакой разницы. Еще ни одна война не была начата или выиграна благодаря зажигательной речи вице-президента, и Рубен Иглесиас понимал это лучше других.

– Вам придется уступить, – спокойно сказал Рубен, обращаясь к командирам. – Этот человек прав. Масуда никогда сюда не придет. – Самое забавное, что, когда он говорил «сюда», он подразумевал именно этот дом, его дом. Масуда всегда игнорировал Рубена. Не интересовался его детьми. Не приглашал на танец госпожу Иглесиас во время приемов. Простых людей президент желал видеть в партийных списках, но не у себя за столом. – Я знаю, как делаются подобные дела. Отдайте им женщин, случайных людей, и они убедятся, что с вами можно работать. – Когда года два тому назад террористы захватили Первый федеральный банк, они не захотели уступать ни в чем, не отдали ни одного клиента, ни одного служащего. Они повесили управляющего перед входной дверью – специально для прессы. Все помнят, чем это закончилось: всех террористов расстреляли прямо у мраморных стен банка. Рубен пытался объяснить командирам, что этот номер никогда не срабатывает. Никто никогда не выполняет требования террористов, даже если обещает выполнить. Еще ни один злоумышленник не ушел с деньгами или со своими товарищами, освобожденными из тюрьмы строгого режима. Вопрос лишь в том, сколько времени силовикам понадобится, чтобы их одолеть, и сколько людей при этом будет убито.

Командир Бенхамин поднял палец и ткнул им в окровавленную салфетку, которую вице-президент прижимал к своему лицу. Рубен почти не поморщился.

– Тебя что, спрашивают?

– Но это же мой дом, – сказал он, чувствуя, как от вновь нахлынувшей боли идет кругом голова.

– Отправляйся на пол!

Рубен и сам хотел лечь, поэтому отошел без всяких разговоров. Он даже огорчился, когда Месснер его остановил.

– Эту рану надо зашить, – сказал Месснер. – Я позову сюда врача.

– Никаких врачей, никакого зашивания, – сказал командир Альфредо. – Он и так был не красавец.

– Нельзя его оставлять с кровотечением.

– Можно! – отрезал командир.

Вице-президент слушал. Он ничего не мог сказать в собственную защиту. И если начистоту, одна мысль об иголке сейчас, когда рана болела пуще прежнего, голова раскалывалась и что-то жгло и давило позади глаз, – нет, мысль об иголке не внушала ему никакой радости, и в этом споре Рубен Иглесиас, пожалуй, был на стороне террористов.

– Вы ничего не достигнете, если этот человек умрет от потери крови. – Месснер говорил спокойно, подчеркивая серьезность своих слов.

«Умрет?» – подумал вице-президент.

Командир Эктор, который до этого больше молчал, приказал няне подняться наверх и принести швейные принадлежности. Он дважды хлопнул в ладоши, как школьный учитель, призывающий детей к тишине, и она тут же встала и пошла, слегка спотыкаясь и приволакивая ногу, которую отлежала во сне. Как только она скрылась из виду, четырехлетний сын вице-президента Марко закричал и заплакал, потому что считал эту девушку своей мамой.

– Успокойте его, – сурово велел командир Эктор.

Рубен Иглесиас повернул распухшее лицо к Иоахиму Месснеру. Чего ему сейчас совсем не хотелось видеть, так это швейных принадлежностей. Он не пуговица и не подол рубашки. И не дикарь из джунглей. Дважды в жизни его уже зашивали – но в больнице, стерильными инструментами из блестящих кювет.

– Здесь есть доктора? – спросил Месснер Гэна.

Гэн не знал, но громко задал этот вопрос на нескольких языках.

– Кажется, мы приглашали по крайней мере одного доктора, – сказал Рубен Иглесиас, хотя он уже ни в чем не был уверен – голова болела все сильнее и сильнее.

Тут вернулась няня Эсмеральда с квадратной плетеной корзинкой под мышкой. Мало кто заметил бы ее в комнате, полной женщин в вечерних туалетах – деревенская девушка в форменной черной юбке и блузке с белым воротничком и манжетами, длинная коса толщиной в детский кулак колыхалась за ее спиной при каждом шаге. Но теперь все в комнате смотрели только на нее: как уверенно и непринужденно она идет, словно ничего особенного не случилось и это самый обычный день в ее жизни, просто надо кое-что заштопать. Живой взгляд, горделиво приподнятый подбородок. Внезапно все увидели, насколько няня красива, ее красота прямо-таки освещала мраморную лестницу, по которой она шла. Гэн повторил свой вопрос о докторе, а вице-президент позвал девушку по имени: «Эсмеральда!»

Никто из лежащих на полу руки не поднял, поэтому все решили, что докторов среди гостей нет. Но это была неправда. Доктор Гомес лежал на спине в столовой, и его жена больно впиалась ему в бок накрашенными ногтями. Доктор Гомес оставил практику много лет назад и стал больничным администратором. Интересно, когда он в последний раз зашивал человека? По специальности он был пульмонолог, так что последний раз протаскивал нитку сквозь человеческую кожу во времена ординатуры. В этом смысле он был не более квалифицированным, чем его жена – любительница вышивать крестиком. Еще не сделав ни единого стежка, доктор Гомес прекрасно видел последствия: наверняка возникнет инфекция; нужных антибиотиков под рукой не окажется; позже рану все равно придется вскрывать, выкачивать гной, зашивать заново. И не чью-то рану, а вице-президентскую. Доктор поежился. Ничего хорошего ждать от этого дела не приходится, ответственность возложат на него, а потом все просочится в прессу. И может получиться так, что он, директор больницы,

сам того не желая, убьет человека. Доктор Гомес почувствовал, как у него дрожат руки. Он ничего не делал, просто лежал, а они уже тряслись. Разве можно доверить таким рукам зашивать человеческое лицо, оставить на нем шрам, который их ославит? Есть ведь эта девушка, которая спускается по лестнице с корзинкой под мышкой и кажется воплощением надежды. Она ангел! Он никогда не мог найти таких славных девушек для работы в больнице, таких хорошеньких девушек, умеющих столь изящно носить униформу.

- Вставай! - шипела жена. - Или я сама подниму твою руку!

Доктор закрыл глаза и тихонько покачивал головой, стараясь не привлекать к себе внимания. Пусть случится то, что должно случиться. Наложение шва не сможет ни спасти человека, ни убить его. Карта уже разыграна, и им ничего не остается, как только ждать исхода.

Эсмеральда передала корзинку Иоахиму Месснеру, но на свое место возвращаться не стала. Она открыла крышку, обитую с внутренней стороны пестрой, в розочку, тканью, из подушечки в форме помидора вынула иголку, достала моток черных ниток и вдела конец в иголку. Затем ловко откусила нитку и сделала аккуратный маленький узелок. Все мужчины, даже командиры, смотрели на нее так, словно она делала что-то сверхъестественное, такое, чего сами они никогда бы не смогли сделать. Затем Эсмеральда вытащила из кармана своей юбки пузырек протирочного спирта, опустила туда иголку с ниткой и несколько раз встряхнула. Она вспомнила про стерилизацию – простая деревенская девушка. Необычайная рассудительность! Она вынула нитку с иголкой, держа только за узелок, и протянула их Иоахиму Месснеру.

- Хм... - сказал он, сжав узелок между большим и указательным пальцами.

Затем последовала небольшая дискуссия. Сначала было решено, что оба должны стоять, затем – что вице-президенту лучше сесть, а еще через некоторое время – что ему следует лечь под настольной лампой, где светлее всего. Двое мужчин никак не решались приступить к делу – страшно было обоим. Месснер трижды протирал руки спиртом. Иглесиас думал, что лучше бы ему еще раз врезали прикладом. Наконец он улегся на ковер подальше от жены и детей. Месснер склонился над ним, понял, что заслонил себе свет, подался назад, стал поворачивать голову вице-президента туда-сюда. Вице-президент попытался заставить себя думать о чем-нибудь приятном и тут же подумал об Эсмеральде. Какая же она умница! Может быть, это его жена ее всему научила? Рассказала

про бактерии, про необходимость содержать все в чистоте. Как же ему повезло, что такая девушка смотрит за его детьми. Кровь из раны текла уже не так сильно, лишь слегка сочилась, и Месснер прекратил промокать ее салфеткой. Принимая во внимание обстоятельства, вопли громкоговорителей с улицы, сирены, распростертых кругом заложников, сонных террористов с винтовками, можно было ожидать, что никто не проявит интереса к щеке Рубена Иглесиаса. Тем не менее присутствующие начали вытягивать шеи наподобие черепах, стремясь получше разглядеть, как иголка войдет в кожу и что из этого получится.

- Тебе на все дается пять минут, - сказал командир Альфредо.

Иоахим Месснер соединил левой рукой края раны, а правой вонзил в них иголку. Решив, что быстрое движение будет менее болезненным, и переоценив толщину кожи, он попал прямо в кость. Оба мужчины тихо и тоненько вскрикнули, и Месснер поспешно вытащил иголку. Теперь надо было все начинать сначала. Кроме того, отверстие от иголки само начало кровоточить.

Никто не просил ее помощи, но Эсмеральда тщательно вымыла руки. На ее лице появилось выражение, которое вице-президент замечал, когда она возилась с детьми. Она поняла, что у мужчин ничего не получается и это безобразие пора кончать. Она взяла из рук Иоахима Месснера нитку с иголкой и снова окунула их в спирт. Месснер уступил ей место с большим облегчением. Не думая о том, что она собирается делать и справится ли, он просто смотрел, как девушка склоняется под лампой.

Рубен Иглесиас отметил, что лицо у нее доброе и блаженное, какими бывают лица святых, хотя Эсмеральда почти не улыбалась. Он с благодарностью смотрел в ее серьезные карие глаза, которые оказались теперь совсем рядом. Сам он глаз закрывать не стал, хотя искушение было велико. Вице-президент понимал, что вряд ли когда-нибудь еще кто-то будет смотреть ему в лицо с такой сосредоточенностью и состраданием, - даже если он благополучно вытерпит это испытание и доживет до ста лет. Когда иголка снова приблизилась к его ране, он даже не шелохнулся и только вдыхал травяной аромат, исходивший от ее волос. Он чувствовал себя оторванной пуговицей или парой детских штанишек, которые она вечером разложила на своих теплых коленях, чтобы заштопать. Право, не такое уж и плохое чувство. Он стал для Эсмеральды просто еще одной вещью, которая порвалась и нуждается в починке. Конечно, немножко больно. Неприятно, когда иголка проплывает мимо глаз. Неприятно,

что в конце каждого стежка Эсмеральда чуть дергала нитку – он чувствовал себя пойманной на крючок форелью. Но он был благодарен судьбе за то, что оказался так близко к девушке, которую видел каждый день. Вот она сидит на газоне под деревом, играя с детьми, поит их чаем из стареньких кружек с отбитыми краями. Марко у нее на коленях, а девочки, Роза и Имельда, играют в свои куклы. Вот она вечером, уложив детей, выходит из детской, приговаривая: спокойной ночи, спокойной ночи, нет, водички больше пить нельзя, закрывай глазки, пора спать, спокойной ночи. Сейчас она, сосредоточившись, молчала, но одно воспоминание о ее голосе успокаивало. И хотя Рубену Иглесиасу было очень больно, он понимал, что, когда все закончится, когда ее талия больше не будет касаться его бока, он будет жалеть. Вот она уже закончила и сделала последний узелок. Как будто для поцелуя, она наклонилась над ним и перекусила нитку. Ее губам пришлось коснуться шва, который только что сделали ее руки. Он услышал легкое клацанье ее зубов, звук разрываемой нити, а потом она выпрямилась и положила руку ему на голову – награда за все, что он перетерпел. Милая Эсмеральда!

– А вы храбрый, – сказала она.

Все, кто лежал поблизости, вздохнули с облегчением и заулыбались. Она отлично поработала, ровными стежками вышила на вице-президентской щеке такую славную черную лесенку. Сразу видно, что девушка училась рукоделию чуть ли не с колыбели. Марко забрался к ней на руки, как только она к нему подошла. Малыш прижался к ее груди и удовлетворенно засопел, вдыхая нянин запах. Вице-президент не двигался. Боль и удовольствие боролись в нем, и он позволил себе на минутку расслабиться. Он закрыл глаза, как будто ему дали настоящую анестезию.

– Вы оба, – сказал командир Месснеру и Гэну, – идите ложитесь. Мы должны кое-что обсудить. – Винтовкой он указал им места на полу, на расстоянии друг от друга.

Месснер даже не пытался снова вступать в переговоры.

– Я не лягу, – сказал он, хотя его усталый голос заставлял предположить, что на самом деле прилег бы он с удовольствием. – Я подожду на улице. И вернусь через час. – После этого он вежливо кивнул Гэну, открыл дверь и вышел из дома.

Гэну захотелось сделать то же самое: объяснить, что он подождет на свежем воздухе, и выйти вон. Но он прекрасно понимал, что с Месснером ему не равняться. Что-то было в Месснере трудноуловимое, отчего стрелять в него не хотелось. Он держался так, словно в него палили каждый день и это ему уже изрядно надоело. А вот Гэн, перед глазами у которого до сих пор стояли швы на вице-президентском лице, ощущал себя чрезвычайно смертным. Смертным и верным. И поэтому беспрекословно занял свое место возле господина Хосокавы.

- Что они говорят? - тут же прошептал тот.

- По-моему, они собираются освободить женщин. Это еще не решено, но такое намерение у них определено есть. Они говорят, что нас слишком много. - Со всех сторон их окружали люди, до ближайших соседей было не более шести сантиметров.словно в восемь утра едешь в токийском метро по ветке Яманотэ. Гэн пошевелился и слегка ослабил узел своего галстука.

Господин Хосокава закрыл глаза и почувствовал, как его теплым одеялом окутывает спокойствие.

- Хорошо, - сказал он.

Значит, Роксана Косс скоро будет на свободе. Как раз вовремя, чтобы петь в Аргентине. Через несколько дней все страхи для нее останутся позади, и за судьбой остальных заложников она будет следить из безопасного места, с помощью газет. Она будет пересказывать всю эту историю на приемах, и толпящиеся вокруг люди будут удивляться и ужасаться. Люди всегда ужасаются. В Буэнос-Айресе в первую неделю она будет петь Джильду. Господину Хосокаве это показалось удивительным совпадением. Она поет Джильду, а он - маленький мальчик, который приехал с папой в Токио. Он смотрит на нее с высоты галерки, но все равно голос ее звучит чисто и нежно, как будто она совсем рядом с ним, на расстоянии вытянутой руки. Ее театральные жесты, ее грим издали кажутся очень красивыми. Вот она поет арию вместе со своим отцом, Риголетто. Она рассказывает, как его любит, и на галерке в это время маленький Кацуми Хосокава сжимает отцовскую руку. Опера разыгрывается на гобеленовых скатертях обеденного стола, среди недопитых хрустальных бокалов, она заслоняет собой провалившееся празднование дня рождения, неудавшийся план строительства завода. Вот она взмывает ввысь, описывает круг над этой страной, а затем мягко опускается на сцену, где становится самой собой, чем-то отвлеченным и прекрасным. Теперь

Роксана Косс поет в сопровождении оркестра, ее поддерживают другие голоса, они поднимаются вверх, но прекрасный голос примы звучит только для маленького Кацуми Хосокавы. Ее голос вибрирует в его ушах, поселяется внутри его, становится его частью. Она поет партию Джильды специально для него и для тысяч других людей. Он чувствует себя безмянным, равным, любимым.

В противоположных концах комнаты лежали на полу два священника Римско-католической церкви. Монсеньор Роллан расположился у той же самой софы, что и чета Тибо, только с другой стороны, рассудив, что лучше находиться подальше от окон на случай, если начнется стрельба. Ради паствы ему следовало заботиться о сохранении своей жизни. Католические священники очень часто становятся мишенями в политических распрях – если не верите, почитайте газеты. Одевание монсеньора было мокрым от пота. Смерть – это священное таинство, и час ее известен одному Господу. Но у монсеньора Роллана были веские основания желать продления своих дней. Считалось, что ему гарантировано место епископа после того, как нынешний, дряхлый епископ Ромеро закончит свое земное существование. Ведь именно монсеньор Роллан исполняет его функции, печется об усилении и расширении влияния их церкви. Ничто в этих измученных нуждой джунглях нельзя считать незыблемым, даже католичество. Чего стоит только нашествие мормонов с их деньжищами и толпами проповедников. Что за наглость засылать своих миссионеров в католическую страну! Как будто здесь дикари необращенные! Голова монсеньора покоилась на маленькой диванной подушечке, которую он благоразумно прихватил, когда укладывался на пол, однако ноги и поясница все равно ныли, и он стал думать о том, как, когда все закончится, он примет горячую ванну, а потом не меньше трех дней проведет в своей мягкой постели. Разумеется, во всем можно обнаружить положительную сторону. Так, например, если террористы окажутся вменяемыми и монсеньор будет освобожден с первой партией заложников, то это приключение, пожалуй, даже укрепит его репутацию. То обстоятельство, что он побывал в заложниках, может превратить его в святого мученика, даже если здоровье его не пострадает.

И все бы хорошо, если бы не другой священник, что лежал на холодном мраморном полу прихожей. Монсеньор Роллан уже встречался с отцом Аргуэдадом, когда присутствовал при рукоположении последнего два года тому назад, но с тех пор совершенно забыл о его существовании. В этой стране не было недостатка в молодых людях, готовых посвятить себя церкви. Для него все эти местные парни с коротко остриженными черными волосами и в одинаковых

грубых черных рубашках были на одно лицо, как дети, пришедшие к первому причастию. Монсеньор Роллан понятия не имел о том, что на приеме присутствует еще один священник, за весь вечер отец Аргуэдаc ни разу не попался ему на глаза. Да и как простой молодой священник мог попасть на прием к вице-президенту?

Отцу Аргуэдаcу было двадцать шесть лет, он служил в одном из самых захудалых приходов столицы, зажигал свечи, проводил причастия и исполнял обязанности не намного серьезнее тех, что исполняет квалифицированный алтарный служака. В те редкие моменты своей жизни, когда он не служил Господу молитвой или пастве делами, отец Аргуэдаc ходил в университетскую библиотеку и слушал там оперу. Он спускался в подвальное помещение, уютно устраивался в специальной кабинке и слушал записи через гигантские черные наушники, сжимавшие голову до боли. Университет нельзя было отнести к числу процветающих, и опера не относилась к числу его приоритетов, поэтому хранились записи не на компакт-дисках, а на допотопных пластинках. Некоторые личные предпочтения у отца Аргуэдаcа, конечно, были, но по большей части он слушал все подряд, от «Волшебной флейты» до «Волнений на Таити». Он закрывал глаза и повторял про себя слова, которых не понимал. Он проклинал своих предшественников, которые оставляли на пластинках отпечатки грязных пальцев, царапали их или, хуже того, просто крали, так что «Лулу», например, осталась без третьего акта. Вспоминая, однако, что он священник, отец Аргуэдаc в раскаянии падал на цементном полу библиотечного подвала на колени.

Очень часто, слушая оперу, он ощущал, как его душа наполняется странным восторгом. Он не мог точно назвать это чувство, но оно его беспокоило... неужели то было желание? Или, может быть, любовь? Еще во время учебы в семинарии он решил отказаться от оперы, как другие молодые люди отказываются от женщин. Он считал, что в подобной страсти есть нечто греховное, особенно для духовного лица. В отсутствие других достойных исповеди грехов он вообразил, что грех оперы является его самым тяжким грехом и он должен принести эту страсть в жертву Иисусу Христу.

– Верди или Вагнер? – спросил его голос из-за исповедальной перегородки.

– Оба! – ответил отец Аргуэдаc, но, оправившись от вызванного вопросом удивления, поправился: – Верди!

– Ты еще молод, – сказал голос. – Приходи ко мне через двадцать лет, если, конечно, до тех пор Господь не призовет меня к себе.

Молодой священник напрягся, стараясь узнать голос. Он знал весь клир церкви Святого Петра.

– Это грех?

– Искусство не грех. Конечно, оно не всегда добродетельно. Но это не грех. – Голос минуту помолчал, и отец Аргуэдадс чуть оттянул пальцем воротничок своей рубашки, чтобы впустить немного густого теплого воздуха под одежду. – Конечно, некоторые либретто довольно-таки... в общем, сосредоточься на музыке. Музыка – вот суть оперы.

Отец Аргуэдадс исполнил возложенную на него весьма условную епитимью, на радостях прочитав каждую молитву по три раза. Значит, ему не надо отказываться от своей любви! По существу, после этого случая он совершенно изменил отношение к опере и пришел к выводу, что такая красота не может быть не от Бога. Музыка есть молитва, он теперь это знал совершенно точно, и пусть слова очень часто говорили о людских грехах, но разве сам Иисус Христос не говорил о них? Когда отец Аргуэдадс чувствовал, что его охватывает непонятное волнение, то просто прекращал читать либретто. В семинарии он учил латынь, но не пытался с ее помощью понять итальянский. Чайковский в этом смысле был особенно хорош, ведь русский язык был недоступен ему совершенно. К сожалению, бывали случаи, когда страсть звучала в музыке еще откровеннее, чем в словах. Незнание французского не спасло молодого священника от пагубных чар «Кармен». «Кармен» завораживала, навевала грезы. Однако отец Аргуэдадс укреплял свой дух тем, что воображал, будто в любой опере все мужчины и женщины поют так сладко и чудесно лишь потому, что поют они о кроющейся в их сердцах любви к Богу.

Успокоенный исповедью, отец Аргуэдадс больше не пытался скрывать свою любовь к музыке. Казалось, никто не интересуется его увлечением, тем более что от исполнения основных церковных обязанностей оно не отвлекало. Конечно, страна, в которой жил отец Аргуэдадс, была не слишком передовой, как и религия, которую он исповедовал, но времена были все-таки не старинные. Прихожане относились к молодому священнику с большой симпатией, отмечали рвение, с которым он полировал церковные скамьи, его привычку каждое утро подолгу стоять на коленях, дожидаясь начала ранней мессы. Среди обративших

внимание на молодого священника была женщина по имени Анна Лойя, любимая кузина жены вице-президента. Она тоже очень любила музыку и щедро одалживала отцу Аргуэдасу пластинки. Прознав о приезде Роксаны Косс, она тут же позвонила своей кузине и спросила, нельзя ли устроить, чтобы на приеме присутствовал один молодой священник. Разумеется, его не надо приглашать на обед. Во время обеда он может посидеть на кухне. Если на то пошло, священник может даже выступление Роксаны Косс послушать из кухни, но если ему разрешат в это время побыть в доме или хотя бы в саду, она будет страшно благодарна. Как-то после одной весьма посредственной репетиции церковного хора отец Аргуэдас признался Анне, что никогда не слушал оперу вживую. Величайшая любовь его жизни – разумеется, после Господа – была явлена ему лишь в черном виниле. Более двадцати лет тому назад Анна потеряла сына. Мальчику было всего три года, когда он утонул в ирригационной канаве. У нее родились другие дети, которых она тоже очень любила, и о своей потере она ни с кем не говорила. И если начистоту, теперь она вспоминала о погибшем ребенке, лишь когда видела отца Аргуэдаса. Она вновь спросила кузину по телефону: «Можно ли отцу Аргуэдасу прийти послушать сопрано?»

* * *

Ничего подобного он не мог себе даже вообразить. Этот голос казался чем-то осязаемым, видимым. Он чувствовал его даже в самом дальнем углу комнаты. Голос трепетал в складках его сутаны, касался его щек. Отец Аргуэдас и помыслить не мог, что на свете существует женщина, стоящая к Богу так близко, что Божий глас исходит из нее. Как же сильно, думал он, должна певица погрузиться в самое себя, чтобы обрести этот голос. Казалось, звук таился глубоко в недрах земли, и лишь невероятным старанием и напряжением душевных сил она сумела извлечь его оттуда, заставить пройти сквозь толщу скал и земную поверхность, сквозь фундамент дома и оказаться у своих ног, а затем – проникнуть в тело, заполнить его, впитать его тепло и, излившись из белого, как лилия, горла, устремиться к Господу на небеса. То было чудо, и отец Аргуэдас заплакал, счастливый, что ему довелось стать свидетелем.

Даже теперь, после стольких часов, проведенных на мраморном полу, голос Роксаны Косс все еще звучал, жил в мозгу насквозь продрогшего священника. Если бы ему не приказали лечь, он, скорее всего, сам попросил бы об этом. Он нуждался в отдыхе, и мраморный пол подходил как нельзя лучше. Этот пол заставлял его обращаться мыслями к Богу. Окажись он сейчас на мягком ковре, то наверняка полностью забылся бы. Отец Аргуэдас был рад провести ночь

среди воплей громкоговорителей и сирен, потому что те заставляли его бодрствовать и думать. Он был рад (хотя и попросил за это у Господа прощения), что, пропустив утреннюю мессу и причастие, смог остаться в этом доме. Чем дольше он здесь оставался, тем дольше длилось волшебство, словно ее голос все еще эхом отдавался в оклеенных обоями стенах. К тому же она и сама была здесь, лежала где-то на полу. Он не мог видеть Роксану Косс, но понимал, что она не так уж далеко. Он молился о том, чтобы ночь прошла для нее спокойно и чтобы кто-нибудь догадался предложить ей лечь на одну из кушеток.

Но, кроме Роксаны Косс, мысли отца Аргуэдаса занимали и юные бандиты. Многие из них сейчас стояли, прислоняясь к стенам, расставив ноги и опершись на свои винтовки, как на посохи. Временами головы мальчишек запрокидывались назад, и они засыпали на несколько секунд, а затем, когда их колени подгибались, вздрагивали и едва не падали на свое оружие. Отец Аргуэдас часто выезжал вместе с полицией освидетельствовать тела самоубийц, и очень часто складывалось впечатление, что они совершили последнее в своей жизни действие именно в такой позе: нажав пальцем ноги на спусковой крючок.

– Сын мой, – прошептал он одному из парней, который стоял на карауле в прихожей. Здесь в основном находились официанты, повара и вообще заложники низшего ранга. Отец Аргуэдас сам был молодым человеком, и ему порой было неловко называть своих прихожан «сыновьями», но этот парнишка действительно вызывал в нем отеческие чувства. Он выглядел, как его двоюродный брат, как вообще всякий мальчик, который радостно выбегает из церкви после причастия с гостией во рту. – Подойди ко мне, сын мой.

Юноша покосился на потолок, как будто голос слышался ему во сне. Он предпочел вообще не замечать священника.

– Сын мой, подойди ко мне, – повторил отец Аргуэдас.

Теперь мальчик взглянул вниз, и на его лице отразилось недоумение. Как же можно не отвечать священнику? Как же можно не подойти, если он зовет?

– Да, отец? – прошептал он.

– Подойди сюда, – одними губами произнес священник, похлопав по полу рядом с собой – еле заметно, даже не ладонью, а одними пальцами. На мраморном полу прихожей лежало не так много людей. В отличие от устланной ковром гостиной, здесь можно было свободно вытянуться. А тому, кто всю ночь простоял, опираясь на винтовку, и мрамор покажется не хуже пуховой перины.

Парнишка испуганно оглянулся на занятых совещанием командиров.

– Мне нельзя, – прошептал он.

Парнишка был индейцем. Говорил он на северном наречии – так же бабушка отца Аргуэдаса говорила с его матерью и тетками.

– А я говорю, что можно, – властно, но ласково возразил отец Аргуэдас.

Секунду юноша размышлял, потом поднял голову, словно изучал затейливые узоры потолочной лепнины. Глаза его наполнились слезами, и, пытаясь их удержать, мальчишка отчаянно заморгал. Он очень давно не спал, руки дрожали на холодном стволе винтовки. Парнишка уже не понимал толком, где кончаются его пальцы и начинается серовато-зеленоватый металл.

Отец Аргуэдас вздохнул и не стал упорствовать. Попозже надо будет снова поговорить с мальчиком, просто чтобы напомнить ему – всякий грешник может обрести покой и прощение.

У заложников было множество различных потребностей. Некоторым снова нужно было в туалет. Другим требовалось принять лекарство, и всем без исключения хотелось встать, размяться, поесть, попить воды, прополоскать рот. Люди расхрабрились от собственных тревог, но более всего их ободряло то обстоятельство, что прошло уже более восемнадцати часов, и никто еще не умер. Заложники начинали верить, что их не убьют. Когда человек больше всего на свете хочет жить, о прочих потребностях он обычно помалкивает, зато ощутив себя в безопасности, принимается жаловаться на все подряд.

Виктор Федоров из Москвы в конце концов не выдержал и закурил, хотя в самом начале от заложников потребовали сдать все зажигалки и спички. Федоров

пускал дым прямо в потолок. Ему было сорок семь лет, а курил он с двенадцати, даже в самые тяжелые времена, даже когда приходилось выбирать между сигаретами и хлебом.

Командир Бенхамин щелкнул пальцами, и один из его подчиненных бросился отнимать у Федорова сигарету. Но тот только глубже затягивался. Мужчина он был крупный. Одолеть такого, пусть даже лежащего на полу и вооруженного лишь сигаретой – задача не из легких.

– Только попробуй, – сказал он солдату по-русски. Юный террорист, разумеется, не понявший его слов, медлил, не зная, как приступить к делу. Он попытался унять дрожь в руках, затем вытащил из-за пояса пистолет и без особой охоты направил его Федорову в живот.

– Ну, отлично! – воскликнул Егор Лебедь, еще один русский, приятель Федорова. – Помрем за курево!

Что за наслаждение была эта сигарета! Насколько же приятнее закурить после целого дня воздержания. Снова чувствуешь табачный аромат, любишься синеватым дымком. Снова ощущаешь легкое приятное головокружение, как в мальчишеские годы. Одного этого достаточно, чтобы решиться бросить – только ради того, чтобы потом начать заново. Федоров докурил сигарету до самого конца, она уже обжигала ему пальцы. Какая жалость! Он сел, напугав вооруженного мальчишку своими размерами, и потушил окурок о подошву своего ботинка.

К большому удовольствию вице-президента, Федоров положил окурок в карман своего смокинга, а парень неловко засунул пистолет обратно за пояс и скользнул прочь.

– Я больше не выдержу ни минуты! – раздался пронзительный женский крик, но когда все оглянулись кругом, то так и не поняли, кто кричал.

Через два часа после ухода Иоахима Месснера командир Бенхамин поднял с пола вице-президента, велел ему открыть дверь и позвать посредника обратно.

Неужели Месснер провел все два часа, стоя в ожидании за дверью? Его нежная кожа обгорела еще сильнее.

– Все в порядке? – спросил Месснер вице-президента по-испански, как будто все это время он, торча на солнцепеке, совершенствовал свои лингвистические навыки.

– Изменений очень мало, – ответил вице-президент по-английски, стараясь быть любезным. Он еще не совсем утратил ощущение того, что является хозяином дома.

– С лицом у вас не так уж и плохо. Она хорошо вас... как это сказать... – Он попытался подобрать нужное слово. – Починила, – наконец произнес он.

Вице-президент поднес было руку ко лбу, но Месснер удержал ее.

– Не надо его трогать. – Он оглядел комнату. – А этот японец еще здесь?

– А куда он мог деться? – спросил Рубен.

Месснер снова оглядел тела под ногами, теплые и дышащие. Воистину он видал в своей жизни картины куда хуже.

– Я должен снова попросить переводчика, – обратился вице-президент к командирам, которые смотрели в сторону, словно не замечая присутствия Месснера. Наконец один из них поднял глаза и сделал какое-то быстрое движение бровью, что Иглесиас понял как знак одобрения: мол, вперед, действуй.

Он не позвал Гэна, но пошел за ним через всю комнату. Так можно было, во-первых, размять ноги, во-вторых – произвести осмотр гостей. На лицах большинства из них при виде вице-президента появлялось нечто среднее между гримасой отвращения и улыбкой. Безо льда половина лица у него распухла самым ужасающим образом. Швы едва не лопались. Лед – дело нехитрое, это не пенициллин какой-нибудь. В доме было полно льда. На кухне по обе стороны от холодильника стояли два морозильника, в подвале – еще один для всяких припасов. На кухне имелся также специальный агрегат, который целыми днями производил лед и сыпал его в пластиковый ящик. Но вице-президент прекрасно понимал, что не пользуется расположением командиров и, рискни он попросить у них кубик льда, немедленно получит фонарь под вторым глазом. А как приятно

было бы просто постоять, прижавшись к белой прохладной металлической дверце морозильника! Даже льда не нужно, достаточно будет просто прижаться.

– Монсеньор, – сказал он, обходя монсеньора Роллана. – Мне очень жаль, что все так вышло. С вами все в порядке? Да? Хорошо, хорошо.

Это был прекрасный дом, и ковер, на котором теперь лежали его гости, тоже был прекрасный. Кто бы мог подумать, что однажды он поселится в таком чудесном доме с двумя морозильниками и агрегатом для производства льда? То была невероятная удача. Отец вице-президента был носильщиком с тележкой: сначала на железнодорожном вокзале, потом в аэропорту. Его мать растила восьмерых детей, продавала овощи, брала шитье на дом. Сколько же раз эта история уже пересказывалась в прессе? Рубен Иглесиас сам проложил себе путь в жизни. Первым в своей семье он окончил старшие классы. Работал дворником, чтобы заработать на колледж. Работал дворником и судебным клерком, чтобы заработать на юридический факультет. Потом были успешная карьера в юриспруденции, удачный подъем по шаткой политической лестнице. Все это помогло ему не меньше, чем его рост. Правда, журналисты никогда не упоминали, как удачно он женился – на дочери старшего партнера, которая забеременела от него во время празднования Рождества, как потом амбиции его жены и ее родителей продвигали его вперед и вверх. Это было уже не так интересно.

Мужчина на полу, лежащий возле обитого гобеленовой тканью кресла с подголовником, спросил что-то на языке, который Рубен принял за немецкий. Вице-президент ответил: «Не знаю».

Переводчик Гэн лежал совсем рядом с господином Хосокавой. Он что-то прошептал в ухо своему боссу, и тот закрыл глаза и едва заметно кивнул головой. Рубен совсем забыл о господине Хосокаве. «С днем рождения вас, сэр, – сказал он про себя. – У меня такое впечатление, что в этом году мы с вами вряд ли построим завод». Совсем недалеко от них лежала Роксана Косс со своим аккомпаниатором. Она выглядела, если такое вообще было возможно, даже лучше, чем накануне вечером. Волосы ее разметались, кожа блестела, словно певица наслаждалась долгожданным отдыхом.

– Как вы себя чувствуете? – тихо спросила она по-английски и дотронулась ладонью до собственного лба, показывая, что волнуется из-за его раны.

Из-за того ли, что он давно ничего не ел, или от усталости и потери крови, а быть может, из-за начавшейся инфекции вице-президенту показалось, что он вот-вот потеряет сознание. То, как она касалась своего лица, потому, что не могла встать и коснуться его лба, видение того, как она встает и все же касается... вице-президент осел на пол, уперся в ковер ладонями, наклонил голову и сидел так, пока головокружение не прошло. Он осторожно заглянул Роксане Косс в глаза: теперь в них читался ужас.

– Со мной все в порядке, – прошептал он.

В этот момент он заметил аккомпаниатора, с которым было явно не все в порядке. Казалось бы, если Роксана Косс способна проявить сочувствие к вице-президенту, то она уж точно должна позаботиться о человеке, который лежит рядом с ней. Его бледность имела явственно сероватый оттенок, и, хотя глаза были открыты, а грудная клетка чуть вздымалась, тело словно оцепенело, и это вице-президенту совсем не понравилось.

– Что с ним? – спросил он, указав пальцем на аккомпаниатора.

Роксана Косс посмотрела на лежащего рядом с ней, словно впервые его заметила.

– Сказал, что у него простуда. Мне кажется, он просто слишком нервничает.

Ее еле слышный шепот привел вице-президента в изрядное волнение, пусть он и не разобрал всех слов.

– Переводчик! – крикнул командир Альфредо.

Рубен Иглесиас хотел было подняться и протянуть руку Гэну, но тот был моложе и его опередил – вскочил на ноги первым и сам протянул руку вице-президенту. Потом взял его под руку, как будто Рубен Иглесиас внезапно ослеп, и повел по комнате. Как быстро формируются привязанности в чрезвычайных обстоятельствах! Какие безумные мысли приходят человеку в голову! Вице-президенту уже мерещилось, что Роксана Косс – любовь всей его жизни, что Гэн Ватанабе – это его сын; что его дом больше ему не принадлежит и что его жизни, то есть тому, что он считал своей жизнью, его политической карьере,

пришел конец. Интересно, подумал Рубен Иглесиас, все заложники на свете чувствуют то же самое, что и он?

– Гэн, – сказал Месснер и мрачно потряс его руку, будто выражал соболезнования, – вице-президенту необходима медицинская помощь. – Он сказал это по-французски, чтобы Гэн перевел.

– Мы тратим слишком много времени на обсуждение нужд какого-то дурака, – возразил командир Бенхамин.

– Можно мне льда? – Рубен сам встрял в разговор, и тут сознание его внезапно наполнили ледяные наслаждения – заснеженные вершины Анд, олимпийские красавицы-фигуристки из телевизора – юные девушки с осиными талиями и в коротеньких прозрачных юбочках. Рубен Иглесиас словно заживо горел, а их сверкающие коньки выписывали на глади катка изящные дуги, взметая в воздух голубовато-белую ледяную крошку. Вице-президенту захотелось, чтобы его закопали в лед.

– Ишмаэль, – бросил командир одному из своих бойцов, – марш на кухню, принеси ему полотенце и лед.

Ишмаэль, один из парней, подпирающих стены, коротышка в самых изношенных башмаках, явно обрадовался. Может, был горд, что ему что-то поручили, может, действительно хотел помочь вице-президенту, а может, просто хотел прогуляться на кухню, где наверняка оставались подносы с крекерами и подтаявшими канапе.

– Моим людям никто не дает лед, когда он им нужен! – с горечью добавил командир Альфредо.

– Разумеется, – сказал Месснер, рассеянно выслушавший перевод Гэна. – Ну как, вы готовы хоть на какой-нибудь компромисс?

– Мы отдадим женщин, – сказал Альфредо. – Мы тут не для того, чтобы обижать женщин. Прислуга тоже может уйти, и священники, и те, кто болен. После этого мы составим список оставшихся. Может быть, еще кое-кого отпустим. Взамен мы кое-что хотим. – Он вытащил из кармана тщательно сложенный лист бумаги и зажал его в трехпалой левой руке. – Вот то, что нам нужно. Вторую страницу

зачитаете прессе. Это наши требования. – А ведь, приступая к операции, Альфредо был так уверен в успехе их плана. В конце концов, это его двоюродный брат когда-то устанавливал в этом доме кондиционеры и стащил копию чертежей вентиляционной системы.

Месснер взял бумаги, взглянул на них и попросил Гэна прочесть. Гэн очень удивился, заметив, что у него дрожат руки. Он что-то не помнил случаев, когда предмет перевода вызывал в нем столь сильные эмоции.

– Действуя от имени народа, «Семья Мартина Суареса» захватила в заложники... – начал Гэн.

Месснер знаком остановил его.

– «Семья Мартина Суареса»?

Командир кивнул.

– А разве вы не «Истинная власть»? – Месснер понизил голос.

– Вы же сами сказали, что мы разумные люди, – не на шутку возмутился командир Альфредо. – Вы что, думаете, «Истинная власть» стала бы вести с вами переговоры? Думаете, они бы позволили женщинам уйти? Я знаю этих типов. Они всех бесполезных заложников расстреливают. А мы кого-нибудь расстреляли? Мы стараемся помочь людям, неужели непонятно? – Он сделал шаг к Месснеру – тот мгновенно понял, что дело плохо, – но между ними тут же встал Гэн.

– Мы стараемся помочь людям, – перевел Гэн медленно и отчетливо. Вторая часть предложения – «неужели непонятно?» – к делу не относилась, и он ее проигнорировал.

Месснер извинился за свою ошибку. Невинную, в общем-то, ошибку. Это, оказывается, не «Истинная власть». Ему пришлось напрячься, чтобы сдержать улыбку.

– Когда же вы освободите первую группу?

Командир Альфредо больше не собирался с ним разговаривать. Он лишь что-то проворчал себе под нос. Даже молчаливый командир Эктор сплюнул на швейцарский ковер. Ишмаэль вернулся с двумя кухонными полотенцами, полными кубиков льда, малой толикой кухонного запаса. Командир Бенхамин выбил у него из рук один из кульков, и прозрачные кубики раскатились по ковру. Те, кто лежал поближе, тут же начали подбирать их и запихивать в рот. Ишмаэль, испугавшись, тут же с торопливым кивком сунул второй кулек вице-президенту. Рубен кивнул в ответ, решив больше не привлекать к себе излишнего внимания – повод еще раз врезать ему прикладом террористы найдут без труда. Он приложил лед к голове и вскрикнул от боли и одновременно от глубокого – глубочайшего! – удовольствия.

Командир Бенхамин прочистил горло и собрался с мыслями.

– Мы разделим их прямо сейчас, – заявил он. И обратился к своим бойцам: – Внимание! Приготовиться! – Парни вдоль стены подтянулись, выпрямили ноги, подхватили с пола ружья. – Всем на ноги! – скомандовал Бенхамин.

– Прошу внимания! – сказал Гэн по-японски. – Сейчас вам надо встать! – Хотя террористы и возражали против любых разговоров среди заложников, для Гэна они делали исключение. Он повторил предложение на всех языках, которые смог вспомнить. Даже на сербскохорватском и китайском, которых здесь никто не понимал, просто ради удовольствия поговорить свободно и чтобы никто тебя не затыкал. Команда «Встать!», собственно, не требует перевода. В определенных ситуациях люди уподобляются стаду овец. Когда один встает, другие следуют его примеру.

Все стояли одеревенелые и неуклюжие. Некоторые пытались добраться до своих башмаков, другие попросту о них забыли. Кто-то переминался с ноги на ногу, пытаясь размять затекшие конечности. Заложников охватило волнение. Если совсем недавно казалось, что они ничего не желают сильнее, чем встать, то теперь, стоя, они чувствовали себя неуютно. Совершенная ими перемена положения в пространстве уже представлялась неблагоприятной, людям мерещилось, что вставание увеличивает их шансы быть убитыми.

– Женщины, отойдите вправо, мужчины – влево!

Гэн снова проговорил предложение на всех известных ему языках, не очень представляя себе, какие страны тут представлены и кто именно нуждается в его переводе. Он невольно подражал успокоительно-монотонной интонации, с какой произносятся объявления на железнодорожных вокзалах и в аэропортах.

Но мужчины и женщины не хотели так быстро расставаться. Они цеплялись друг за друга, обхватывали за шеи. Пары, которые давно забыли, как это делается, пары, которые, может быть, даже не делали этого на публике, пылко обнимались. Теперь казалось, что этот прием просто слишком затянулся. Музыка отзвучала, танцы закончились, а парочки все стоят, притиснувшись друг к другу, и ждут чего-то. Лишь между Роксаной Косс и ее аккомпаниатором происходило что-то не то. В его объятиях она выглядела совсем маленькой, настоящим ребенком. Казалось, она была бы рада высвободиться из его рук, но при более пристальном взгляде становилось ясно, что это Роксана Косс держит аккомпаниатора, а не он ее. Аккомпаниатор повис на певице, и страдальческая гримаса на ее лице свидетельствовала о том, что такая тяжесть для сопрано чрезмерна. Господин Хосокава, догадавшись о ее трудностях (его обнимать было некому – госпожа Хосокава пребывала в полной безопасности в Токио), обхватил аккомпаниатора и перекинул этого гораздо более высокого, чем он сам, человека через плечо, как пальто. Ноша заставила господина Хосокаву пошатнуться, но он был тысячекратно вознагражден облегчением, разлившимся по лицу Роксаны Косс.

– Спасибо, – сказала она.

– Спасибо, – повторил он.

– Вы за ним присмотрите?

В этот момент аккомпаниатор поднял голову и попытался подтвердить встать на ноги.

– Спасибо, – еще раз повторил господин Хосокава с нежностью.

Другие одинокие мужчины, в основном официанты, которые сами жаждали освободить певицу от этого умирающего иностранца, ринулись на помощь господину Хосокаве и вместе с ним оттащили мокрого от пота аккомпаниатора в левую часть комнаты. Его светлая голова моталась из стороны в сторону так,

словно у скандинава была перебита шея. Господин Хосокава обернулся, чтобы посмотреть на Роксану Косс, и его сердце сжалось при мысли о том, что она останется в одиночестве. Ему хотелось поймать ее ответный взгляд, но она смотрела на аккомпаниатора, висевшего на плече господина Хосокавы. Теперь, глядя на него издали, она наконец осознала, насколько ему плохо.

А господин Хосокава, наблюдая все эти пылкие прощальные поцелуи, вдруг вспомнил, что у него в мыслях не было везти сюда жену. Он даже не сообщил ей, что она тоже приглашена и что речь идет о праздновании дня его рождения. Просто сказал, что уезжает по делам. В семье было негласное правило: во время командировок мужа госпожа Хосокава оставалась дома, с дочерьми. Они никогда не путешествовали вместе. Теперь он смог убедиться, насколько мудрым было такое решение. Он уберег свою жену от массы неприятностей, а может быть, и от кое-чего похуже. Он ее спас. Но все же не мог не мучиться вопросом: а каково было бы им стоять тут вместе? Как сильно опечалились бы они, услышав приказ разойтись по разным углам комнаты?

Эдит и Симон Тибо молча смотрели друг на друга – казалось, целую вечность, но на самом деле не дольше минуты. Наконец она его поцеловала, и он сказал:

– Скорей бы ты оказалась снаружи.

Он мог сказать что угодно, слова сейчас не имели значения. Он думал о тех двадцати годах брака, когда он любил ее, совсем ее не зная. Теперь он должен понести за это наказание, за все потерянные годы. Дорогая моя Эдит. Она сняла с себя тонкий шелковый шарфик. А он ведь и забыл попросить об этом. Шарфик был прелестного голубого цвета – цвета обеденных сервизов королей, цвета грудного оперения птичек, порхающих в этих забытых богом джунглях. Эдит скомкала шарф в крохотный шарик и втиснула в сцепленные руки мужа.

– Не делай глупостей, – сказала она, и, поскольку это было последнее, о чем она его попросила, он с готовностью поклялся, что не будет.

В целом разлучение заложников прошло вполне цивилизованно. Никого не пришлось оттеснять от своей половины оружейным стволом. Когда стало ясно, что время истекло, мужчины и женщины просто разошлись в разные стороны, как будто того требовал исполняемый ими сложный танец, и очень скоро партнеры снова воссоединятся в новом круге для исполнения других па.

Месснер достал из бумажника пачку своих визитных карточек и раздал их командирам, дал одну Гэну и одну – предусмотрительно – вице-президенту. Остальные он оставил на кофейном столике.

– Здесь номер моего сотового, – сказал он. – Не рабочий, личный. Захотите поговорить со мной – звоните. Специально для этого дома правительство распорядилось держать линию свободной.

Каждый взглянул на свою карточку, несколько озадаченный. Как будто Месснер приглашал их на ланч, как будто не понимал всей серьезности положения.

– Может, вам что-нибудь понадобится, – уточнил Месснер. – Может, вы захотите поговорить с кем-нибудь снаружи.

Гэн слегка поклонился. Ему хотелось поклониться Месснеру в пояс, поблагодарить за то, что он пришел в этот дом, рискуя жизнью, но он решил, что его никто не поймет. В это время к столику подошел господин Хосокава, взял одну карточку, пожал Месснеру руку и склонился в глубоком поклоне.

Командиры Бенхамин, Альфредо и Эктор отправились к группе мужчин у стены, отделили рабочих, официантов, поваров и другую прислугу и велели им встать вместе с женщинами. Раз уж их заветным желанием было совершить революцию и освободить трудовой народ, они не хотели держать его представителей в заложниках. Затем они спросили, есть ли среди мужчин больные, и этот вопрос Гэн повторил несколько раз. Казалось бы, тут каждый должен был объявить, что у него слабое сердце, но удивительное дело – в толпе заложников воцарилось молчание. Вперед выступили лишь несколько дряхлых стариков, да один красивый итальянец предъявил медицинский идентификационный браслет, после чего был немедленно возвращен в объятия супруги. Лишь один человек солгал и не был разоблачен – доктор Гомес объяснил, что у него давно не работают почки и он уже опоздал с диализом. Жена со стыдом отвернулась от него. Самый больной среди мужчин, аккомпаниатор, не смог даже сам подать голос, и его посадили в кресло в таком месте, где, как все надеялись, о нем точно не забудут. Священникам тоже позволили уйти. Монсеньор Роллан трогательно перекрестил заложников и перешел в правую часть помещения. А вот отец Аргуэда, которого не ждали никакие неотложные дела, попросил разрешения остаться.

– Остаться? – переспросил командир Альфредо.

– Вам же понадобится священник, – ответил тот. Командир слегка улыбнулся, впервые за все время.

– Право, вам лучше уйти.

– Но если люди останутся здесь до воскресенья, кто-то должен будет отслужить мессу.

– Мы сами за себя помолимся.

– Прошу прощения, сеньор, – объявил священник, потупив глаза. – Но я остаюсь.

На том и порешили. Монсеньор Роллан мог лишь беспомощно наблюдать за этой сценой. Он уже стоял рядом с женщинами, и приключившийся с монсеньором позор наполнял его сердце звериной яростью. Он бы задушил молодого священника собственными руками, но поздно – монсеньора уже спасли.

Вице-президента вполне могли бы отпустить как нуждающегося в медицинской помощи, но он даже не стал об этом просить. Вместо освобождения ему, сотрясаемому лихорадкой и непрерывно прикладывающему к лицу лед, было велено подойти к воротам и сделать для прессы объявление об освобождении части заложников. Рубен Иглесиас даже толком не успел попрощаться с женой. Эта достойная женщина всю себя посвятила карьере мужа, но даже словом не обмолвилась, глядя на то, как супруг пускает дело ее жизни под откос. Дочерям, Имельде и Розе, вице-президент тоже не смог уделить ни минуты, а ведь они так хорошо себя вели, весь день спокойно пролежали на полу, играя в какую-то сложную игру на пальцах. Он ничего не сказал Эсмеральде – не смог найти слова, чтобы выразить свою благодарность. Он очень беспокоился за нее. Если его убьют, не откажут ли ей от дома? Он надеялся, что не откажут. У нее такая красивая осанка, и она так терпеливо возится с детьми. Она научила их рисовать зверей на маленьких камушках, а потом складывать из этих камушков сложные картины. Наверху этих камушков накопилось великое множество. Его жена вцепилась в сына с такой силой, что тот заплакал. Она очень боялась, что малыша у нее отнимут и оставят вместе с мужчинами, но Рубен погладил ее по руке и успокоил. «Не станут его причислять к мужчинам», – сказал он. Поцеловав Марко в макушку, в шелковые, пахнущие детством волосы, он

направился к двери.

Президент Масуда вряд ли справился бы с такой работой. Он ни слова не мог сказать без бумажки. Президент был человек неглупый, но раскованности ему не хватало. К тому же Масуда отличался вспыльчивым и тщеславным характером и вряд ли стал бы по команде ложиться, вставать, бегать к двери и обратно. Он наверняка брякнул бы прессе что-то не то, бандиты пристрелили бы его за такую инициативу, а затем прикончили и остальных заложников. Впервые за все время террористической атаки вице-президент подумал о том, что даже лучше, что Масуда остался дома смотреть свою мыльную оперу, потому что он, Рубен, прямоотой и покорностью смог спасти жизнь своей жене, своим детям, красавице-гувернантке и знаменитой Роксане Косс. Что ни говори, сейчас вице-президент был на своем месте. Месснер вышел из дверей и встал рядом с ним на крыльце. День выдался пасмурный, зато воздух был свеж и чист. Люди на другом конце аллеи опустили оружие, и в дверях показались женщины, их вечерние туалеты сверкали в лучах предвечернего солнца. Если бы не полиция и фоторепортеры, случайный прохожий мог бы подумать, что дамы поголовно разругались на приеме со своими спутниками и, разобидевшись, уходят домой. Все они плакали, косметика расплылась, волосы свисали перепутанными прядями, женщины сжимали в кулаках подола своих длинных юбок. Большинство несли свои туфли в руках или вообще оставили туфли в доме, чулки рвались на сланцевых плитках дорожки, но женщины этого не замечали. Они словно покидали тонущее судно или спасались из горящего здания. Чем больше они удалялись от дома, тем сильнее плакали. За ними следовали немногочисленные мужчины – старики и слуги, беспомощные перед лицом ужаса, в котором, разумеется, не были виноваты.

Глава третья

Необходимое уточнение: освобождены были все женщины, кроме одной.

Она оказалась где-то посередине шеренги выходящих. Как и другие женщины, она смотрела не вперед, а назад, в гостиную, на пол, где провела, кажется, не одну ночь, а несколько лет. Она смотрела на стайку мужчин у дальней стены. Никого из них она не знала. Никого, кроме японского джентльмена, ради которого, собственно, и был затеян этот прием. По сути, она не знала и его, но

он так любезно помог ей с аккомпаниатором, что Роксана Косс специально нашла его взглядом и одарила улыбкой. Мужчины переминались с ноги на ногу, вид у них был печальный и беспокойный. Господин Хосокава учтиво улыбнулся ей в ответ и склонил голову. За исключением господина Хосокавы, никто из мужчин в тот момент не думал о Роксане Косс. Они забыли и о ней, и о ее невероятном пении. Все они глядели на своих жен, выходящих на дневной свет, и думали о том, что, возможно, не увидят их уже никогда. Мужчинам трудно было дышать от переполнявшей их любви. Вот покинули дом Эдит Тибо, жена вице-президента, прекрасная Эсмеральда.

Роксана Косс уже почти достигла выхода, впереди нее было всего человек пять, как вдруг командир Эктор выступил вперед и взял ее за руку. Особой агрессии в его жесте не было. Быть может, он просто хотел ее проводить или переместить в другое место шеренги?

- Espera, - сказал он, указывая на стену, и Роксане Косс пришлось встать поодаль от остальных, рядом с большим полотном Матисса, изображающим груши и персики в вазе. В стране имелись всего две работы Матисса, и эта была позаимствована из музея специально ради приема. Но обескураженная Роксана Косс в тот момент о живописи не думала и смотрела только на переводчика.

- Подождите, - перевел Гэн на английский, стараясь, чтобы это прозвучало как можно милосерднее. В конце концов, «подождите» не значило, что она вообще никогда отсюда не выйдет. Это означало лишь, что ее выход откладывается.

Роксана Косс обдумывала услышанное. Она все еще сомневалась в значении сказанного ей, даже после перевода. Да, ей приходилось ждать в детстве. Приходилось ждать в консерватории, в очереди на прослушивание. Однако в последние годы ее уже никто не требовал ждать. Наоборот, это ее все ждали. А в этой дурацкой стране, на этом дне рождения, в окружении вооруженных головорезов - заставлять ее чего-то ждать посреди такого безумия было уже просто издевательством. Роксана Косс выдернула у командира свою руку так резко, что с носа у него соскользнули очки. Она больше не желала терпеть его прикосновений к своей коже.

- Знаете что, - заявила певица, - хорошенького понемножку!

Гэн открыл было рот для перевода, но передумал. К тому же Роксана Косс продолжала говорить:

– Я приехала сюда, чтобы работать, то есть чтобы петь на приеме, и я свою работу выполнила. Мне велели спать на полу вместе со всеми этими людьми, которых вы по каким-то причинам решили задержать, и я легла на пол. Но теперь с меня довольно!

Она указала пальцем на кресло, где сгорбился аккомпаниатор.

– Посмотрите, – сказала она, – он болен, и я должна быть рядом с ним.

Впрочем, это трудно было назвать убедительным аргументом. Голова у аккомпаниатора упала на грудь, руки безвольно свесились вдоль туловища, как флаги в безветренный день – он больше походил на мертвого, чем на больного. Когда Роксана Косс говорила, он даже не поднял головы. Шеренга женщин остановилась. Даже те, кто уже вышел на улицу, остановились посмотреть, что происходит, пусть они и не понимали, что говорит певица. В эту минуту всеобщей растерянности, в неизбежной паузе, предшествующей переводу, Роксана Косс и вознамерилась покинуть дом. Она решительно устремилась к открытой, ожидавшей ее двери. Командир Эктор бросился вслед за ней и, не сумев поймать руку, крепко ухватил за волосы. Да, такие волосы делают женщину легкой добычей – все равно что связка длинных шелковистых веревок на голове.

Затем одно за другим произошли три события: во-первых, Роксана Косс, лирическое сопрано, издала высокий пронзительный звук, в котором смешались удивление и такая боль, будто, потянув ее за волосы, командир сломал певице шею; во-вторых, все гости, за исключением аккомпаниатора, сделали шаг вперед, показывая, что готовы взбунтоваться; и, в-третьих, все террористы, от четырнадцатилетних до сорокалетних, тут же схватились за оружие и передернули затворы, и от этого металлического клекота все застыли, словно в стоп-кадре. Комната замерла в ожидании, время остановило свой бег – и тут Роксана Косс, не озаботившись даже тем, чтобы расправить платье или пригладить волосы, вернулась на свое прежнее место рядом с картиной, которая, честно говоря, была не лучшим произведением мастера.

После этого командиры начали вполголоса совещаться между собой, и даже рядовые боевики, мальчишки-бандиты, принялись тянуть шеи, чтобы лучше расслышать. Голоса командиров сливались, но можно было уловить слова «женщина», «никогда», «договор». Затем кто-то растерянно произнес: «Она же певица!» Из-за того что командиры склонились друг к другу, разобрать, кто именно это сказал, было невозможно. Может быть, все вместе.

Чтобы захватить человека в заложники, можно придумать повод и похуже. Заложник ценен тем, что его можно обменять – на деньги, или свободу, или на другого, нужного тебе человека. Человек может заменить деньги, если изыскать способ его удержания. Так почему бы не захватить человека в заложники за его драгоценный голос? Не получив то, за чем они пришли, террористы решили взять взамен кое-что другое, то, о чем они и понятия не имели до того самого момента, как оказались на четвереньках в узких туннелях вентиляционной системы. Они решили взять то, что составляло смысл жизни господина Хосокавы.

Роксана стояла у стены на фоне рассыпающихся по холсту ярких фруктов и плакала от досады и разочарования. Командиры спорили все громче, остальные женщины и слуги потихоньку выбирались из дома. Мужчины молча взирали на происходящее, юные террористы держали оружие наготове. Аккомпаниатор, который, казалось, спал в своем кресле, внезапно вскочил на ноги и тоже вышел наружу, поддерживаемый с обеих сторон кухонным персоналом, даже не поняв, что его солистка осталась в плену.

– Так-то лучше, – сказал командир Бенхамин, пройдясь по комнате, которую еще недавно усеивали тела заложников. – Теперь хоть можно дышать.

С улицы доносились крики и рукоплескания, которыми встречали освобожденных. С другой стороны садовой стены засверкали фотовспышки. В суматохе в дом вновь вошел аккомпаниатор – запереть вход никто не удосужился. Он распахнул дверь с такой силой, что та впечаталась в стену, оставив на деревянной обшивке вмятину от ручки. Аккомпаниатора вполне могли пристрелить, но, к счастью, узнали.

– Роксаны Косс там нет! – сказал он по-шведски. Голос его звучал глухо, согласные застревали во рту. – Ее там нет!

Его речь была столь невнятной, что даже Гэн не смог сразу распознать язык. Шведский он изучал в основном в студенчестве, по фильмам Бергмана, сравнивая субтитры со звучащими с экрана словами, так что беседовать по-шведски он мог лишь на самые мрачные темы.

– Она здесь, – сказал Гэн.

Казалось, возмущение ненадолго вернуло аккомпаниатору здоровье. Землистый оттенок его кожи сменился ярким румянцем.

– Всех женщин освободили! – Он размахивал руками, словно пытался распугать ворон на кукурузном поле, на синеющих губах запенилась слюна. Гэн добросовестно перевел его слова на испанский.

– Кристоф, я здесь, – сказала Роксана, помахав своему спутнику рукой, словно прием продолжался и они просто ненадолго потеряли друг дружку.

– Лучше возьмите меня, – простонал аккомпаниатор, и колени его опасно затряслись, грозя снова подогнуться. Это прозвучало восхитительно-рыцарственно, однако все присутствующие прекрасно понимали, что он не нужен никому, а нужна именно Роксана.

– Выбросьте его вон! – приказал командир Альфредо.

Двое парней выступили вперед, но аккомпаниатор, которого, как всем казалось, и охранять-то было не нужно – так жестоко трепал его таинственный недуг, – опрометью ринулся вглубь комнаты и тяжело опустился на пол у ног Роксаны Косс. Один из мальчишек прицелился в крупную белокурую голову.

– Случайно ее не пристрели! – предупредил командир Альфредо.

– Что он говорит? – возопила Роксана Косс.

С некоторой заминкой Гэн перевел.

«Случайно». Вот как это бывает в подобных передрягах. Никакого злого умысла, просто пуля попала чуточку не туда. Задержав дыхание, Роксана Косс мысленно

прокляла всех собравшихся в комнате. Погибнуть от руки террориста-недоучки, не умеющего толком прицелиться, – вот уж не так она планировала завершить свой жизненный путь! Дыхание аккомпаниатора снова стало неестественно быстрым и слабым. Он закрыл глаза и прижался головой к ее ноге. Этот душевный порыв полностью истощил силы аккомпаниатора. Секунду спустя он уснул.

– Ради бога! – сказал командир Бенхамин, сделав тем самым одну из серьезнейших ошибок за время всего мероприятия, которое с самого начала было не чем иным, как чередой серьезных ошибок. – Оставьте его там, где он есть!

Как только командир произнес эти слова, аккомпаниатор рухнул лицом вниз, и его начало тошнить чем-то желтоватым и пенистым. Роксана снова попыталась распрямить его скрюченные конечности, на этот раз без чьей-либо посторонней помощи.

– Вынесите его хотя бы на свежий воздух! – воскликнула она со злостью. – Разве не видите, что ему плохо? – Все прекрасно видели, что аккомпаниатору очень, очень, просто ужасно плохо. Кожа его покрылась холодным потом, а цветом стала напоминать протухшую рыбу.

Гэн перевел просьбу, однако она осталась без внимания.

– Оперная певица вместо президента, – сказал командир Бенхамин. – Думается мне, ни хрена приличного мы на нее не обменяем.

– Вместе с пианистом она стоит больше, – попробовал возразить командир Альфредо.

– Да он и гроша ломаного не стоит.

– Оставим ее, – спокойно сказал командир Эктор, и на этом оперный вопрос был закрыт. Эктор говорил мало, но именно его бойцы боялись больше всех. Даже другие командиры проявляли осторожность в его присутствии.

Все заложники, включая Гэна, находились в это время на другой стороне комнаты. Отец Аргуэдас тихо произнес молитву, а затем направился на помощь Роксане Косс. Командир Бенхамин приказал ему вернуться, но тот только улыбнулся в ответ и кивнул головой, словно командир просто неудачно пошутил и его слова нельзя расценивать как грех. Священник только дивился тому, как колотится его сердце и подгибаются ноги. Не от страха быть убитым, нет, он не верил, что его убьют, а даже если и убьют, что ж, пусть будет так. Страшно было от цветочного запаха, от теплого золотистого свечения ее волос. С четырнадцати лет – столько было отцу Аргуэдасу, когда он отдал свое сердце Богу и отрешился от житейских забот, – подобные вещи его не волновали. Откуда же – среди всего этого ужаса и хаоса, среди смертельной опасности, нависшей над головами стольких людей, – возникло это дикое головокружение и ощущение невероятной удачи? Ему просто невообразимо повезло! Повезло, что его выделила среди других Анна Лойя, кузина жены вице-президента, что она обратилась к своей кузине со столь необычной просьбой, что эта просьба была милостиво удовлетворена и ему позволили стоять у дальней стены комнаты и впервые в жизни слушать живую оперу, и не просто оперу, а оперу в исполнении Роксаны Косс, которая была, по всеобщему мнению, величайшим сопрано нашего времени. Одно лишь то, что она приехала в эту страну, что в течение целых суток ей суждено было находиться в том же городе, что и он, уже можно было расценить как великое чудо. Узнав об этом, отец Аргуэдас долго не мог уснуть на своей койке в подвале дома приходского священника. И вот ему позволено ее видеть, и вот волею случая (который, разумеется, может стать предвестием ужасных событий, но тем не менее является, как и всякий случай, выражением воли Божьей) он может помочь ей в ее хлопотном деле по приведению в должный порядок нескладных членов ее аккомпаниатора. Он может вдыхать исходящий от нее аромат крохотных колокольчиков и видеть ее гладкую белую шею в вырезе фисташкового платья. Может заметить несколько заколок, которые она оставила в волосах, чтобы не лезли в глаза. Что это, если не дар небес? Отец Аргуэдас верил, что такой голос может иметь только божественное происхождение, и значит, ему дано приблизиться к воплощению божественной любви. А волнение в его груди и дрожь в руках – вполне естественны. Как же его сердце может не наполниться любовью, когда он оказался так близко к Богу?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Кассир оформляет мне билет (ит.).

2

Я лишь пела, нежно любила, зла я никому не делала в жизни! (ит.) – слова из арии Тоски.

Купить: https://telnovel.com/petchett_enn/bel-kanto

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)